

РОЖДЕННЫЕ В КРОВИ

ХРОНИКИ
МАФИИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

ЛУКА

ВИТИЕЛЛО

КОРА РЕЙЛИ

ВИДЕО С ХЕШТЕГОМ #КОРАРЕЙЛИ В ТІКТОК СОБРАЛО 311 МЛН. ПРОСМОТРОВ,
А С ХЕШТЕГОМ #ХРОНИКИМАФИИ 100,6 МЛН. ПРОСМОТРОВ

переведена на 7 языков

Хроники мафии. Рождённые в крови

Кора Рейли
Лука Витиелло

«Издательство АСТ»

2019

Рейли К.

Лука Витиелло / К. Рейли — «Издательство АСТ»,
2019 — (Хроники мафии. Рождённые в крови)

ISBN 978-5-17-155308-1

В одиннадцать лет я впервые убил человека. Жестокость, как яд, бурлила в моих венах. Меня воспитывали как будущего Дона, чтобы я правил без капли жалости и, не колеблясь ни секунды, жестоко наказывал. Меня учили калечить и убивать людей. Когда Арию отдали мне в жены, все с нетерпением ждали, как скоро я и ее сломаю, следуя по стопам своего отца, который издевался над всеми своими женщинами. Мне, как и отцу, всегда доставляло удовольствие внушать страх окружающим. Пока не появилась она – Ария. Рядом с ней мне нет нужды скрывать свою тьму. Ее свет куда сильнее моего мрака. За то, чтобы не разрушить ее, придётся дорого заплатить. Не будет ли слишком высока цена для такого чудовища, как я? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-17-155308-1

© Рейли К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кора Рейли Лука Витиелло

© 2019 Cora Reilly

От автора

Эта книга – «Связанные честью» – написана от лица Луки. В неё включено несколько новых сцен, но в основном повторяются события первой книги. Если вам хочется узнать, что творилось в голове у Луки, эта книга для вас!

Пролог

В одиннадцать лет я впервые убил человека.

В семнадцать раздавил горло собственному кузену.

Я – тот, кто без малейших угрызений совести купался в крови врагов, услаждая свой слух воплями их агонии, как какой-то ебучей сонатой Моцарта.

Монстрами не рождаются, монстрами становятся. Полная хуйня.

Я таким родился. Жестокость, как яд, бурлила в моих венах. Она в жилах всех мужчин Витиелло, передаётся от отца к сыну, бесконечная спираль порока.

Родившись монстром, я стал настоящим чудовищем благодаря своему папаше, его крепким кулакам и грубым словам, его страсти пытать и резать людей ножом.

Меня воспитывали как будущего Дона, чтобы я правил без капли жалости и, не колеблясь ни секунды, жестоко наказывал.

Меня учили калечить людей.

Когда Арию отдали мне в жены, все с нетерпением ждали, как скоро я и ее сломаю, следуя по стопам своего отца, который издевался над всеми своими бабами. Ждали, что силой своей звериной ярости, безжалостной жестокости растопчу ее невинность.

Я легко мог бы ее сломать. Для меня это раз плюнуть.

Тому, кто родился монстром, кого вырастили монстром, придётся быть монстром, чтобы стать Доном.

И мне доставляло удовольствие внушать страх окружающим.

Пока не появилась она – Ария.

Рядом с ней мне нет нужды скрывать свою тьму.

Ее свет куда сильнее моего мрака.

С ней я не хотел быть жестоким. Мне хотелось оградить ее от этой стороны моей личности.

Но я уже говорил: монстром я родился. Меня научили разрушать.

За то, чтобы не разрушить ее, придётся заплатить. Для чудовища вроде меня цена будет невероятно высока.

Глава 1

Лука, 9 лет

Не сводя глаз с дверного проема, мы с Маттео сидели за обеденным столом в ожидании матери. Колокол к ужину давным-давно прозвенел.

Марианна, наша няня, стояла тут же, подпирая стену и бросая взгляды то на часы на буфете, то на нас. Отец редко ел в нашей компании, но мать, как минимум, ужин не пропускала никогда, даже если с трудом держалась на ногах. Она никогда не опаздывала – на случай, если отец решит заявиться.

Где же она?

Может, заболела?

Вчера она была очень бледной, только на лице и руках остались синие и желтые пятна после отцовского наказания. Она частенько делала что-нибудь не так. С нашим отцом сделать «так» было трудно. То, что вчера считалось правильным, сегодня могло стать ошибкой. Нам с Маттео тоже часто доставалось за то, что путали одно с другим.

Маттео сунул нож в тарелку с остывшим пюре, а затем запихнул лезвие с картошкой в рот.

– Когда-нибудь ты порежешься. – Марианна цокнула языком.

Маттео, упрямо вздернув подбородок, снова толкнул нож в пюре и облизал.

– Не порежусь.

Я оттолкнул стул назад и встал. Мне не разрешали выходить из-за стола пока не доем, но поскольку отца дома не было, а Маттео младше меня на два года, хозяином считался я.

Пока обходил стол, Марианна дёрнулась в мою сторону.

– Лука, тебе нельзя... – Увидев выражение моего лица, она заткнулась.

Я похож на отца. Поэтому меня Марианна боялась больше, чем Маттео. Поэтому, и еще из-за того, что стану Доном. Скоро я сам буду наказывать всякого, кто сделает что-нибудь не так.

Я прошёл через холл и поднялся по лестнице, Марианна за мной не пошла.

– Мама? Ужин готов!

Тишина. Я шагнул на площадку и приблизился к спальне матери. Дверь оказалась неплотно прикрыта. В прошлый раз, когда мать не спустилась к ужину, я нашёл ее рыдающей в кровати. Но сейчас изнутри не доносилось ни звука. Толкнув дверь, я судорожно сглотнул. Было слишком тихо. Из открытой двери ванной комнаты тянулась дорожка света.

Снизу донёсся голос отца, он вернулся с работы. Наверное, разозлился, не застав меня за обеденным столом. Лучше бы мне спуститься вниз и попросить прощения, но ноги сами понесли меня к свету.

Наши ваннe комнаты отделаны белым каррарским мрамором, но сейчас почему-то из маминой исходило розовое свечение. Я перешагнул через порог и застыл. Пол был залит кровью. Я повидал ее достаточно, чтобы узнать. А ещё ее запах – немного меди, немного сладости – сегодня ещё слаще из-за того, что смешался с ароматом маминых духов.

Мой взгляд скользнул по реке крови, поднялся по подсохшему водопаду красных пятен на белой стенке ванной и уткнулся в безжизненно свисающую руку. Белая плоть разошлась, обнажив под собой нечто темно-красное.

Рука принадлежала матери. Это точно была мама, хоть она и казалась незнакомкой. Потухшие карие глаза неподвижно уставились на меня. Ее взгляд был полон грусти и одиночества.

Я сделал несколько осторожных шажков вперёд.

– Мама? – ещё шаг. – *Мам?*

Она не реагировала. Мама была мертва. Мертва. На полу я заметил нож – один из ножей Маттео. Чёрный керамбит. Своего оружия у неё не было.

Она порезалась. Это ее кровь. Я опустил взгляд вниз, себе на ноги. Носки пропитались красной жидкостью. Закричав, дёрнулся назад, но не удержав равновесия, поскользнулся и упал. Я больно ударился копчиком об пол. Одежда на мне тут же намокла от ее крови и прилипла к коже. Вскочив на ноги, я с разинутым ртом опрометью бросился прочь. В висках стучала кровь, глаза щипало. В дверях я на что-то налетел. Подняв голову, обнаружил над собой разъяренного отца. Он ударил меня наотмашь по лицу и гаркнул:

– Хватит кричать!

Я сжал губы. Я кричал? Моргая, посмотрел на отца, но его лицо расплывалось.

Отец схватил меня за шкуру и начал трясти.

– Ты зачем нюни мне тут распустил?

Я знал, что в нашем доме плакать запрещено. Я никогда не ревел, даже когда отец меня наказывал. Он ударил ещё сильнее.

– Отвечай!

– Мама умерла, – просипел я.

Отец нахмурился, только теперь обратив внимание на кровь на моей одежде.

– Иди за мной, – приказал он.

В коридоре я заметил двух телохранителей. Они как-то странно смотрели на меня.

Я не двигался с места.

– Лука, шевелись, – прошипел отец.

– Не надо, прошу, – взмолился я, нарушив ещё один запрет – просить. – Я не хочу на неё смотреть.

Лицо отца перекосило от ярости, и я напрягся. Нависнув надо мной, он вцепился мне в руку.

– Никогда больше. Чтобы я никогда не слышал этого слова от тебя. И никаких слез. Ни одной мерзкой слезинки, иначе я выжгу тебе левый глаз. Мафиози ты можешь стать и с одним глазом.

Быстро закивав, я вытер тыльной стороной ладони глаза и не сопротивлялся, когда отец потащил меня в ванную. Я больше не плакал, глядя на тело в ванной. Всего лишь тело. Постепенно рёв у меня в груди начал затихать. Это всего лишь тело.

– Ничтожество, – пробормотал отец. – Жалкая шлюха.

Я недоуменно нахмурился. Вне дома отец встречался со шлюхами, но мать не такая. Она его жена. Шлюхи могли позаботиться об отце, чтобы он потом бил ее не так сильно. Она мне так объяснила. Но это не сработало.

– Первый! – закричал отец.

Вошёл один из телохранителей. Отец не утруждал себя запоминанием имен обычных солдат, вместо этого давал им номера.

Первый встал вплотную у меня за спиной и сжал мое плечо, пока отец с жестокой ухмылкой внимательно осматривал тело матери. Я уставился снизу вверх на телохранителя, удивляясь, зачем он это делает и что это значит, но тот смотрел только на отца, не обращая на меня внимания.

– Пришли кого-нибудь убрать этот бардак и позвони Балдони. Пусть найдет мне новую жену.

Я не мог поверить в то, что он сказал.

– Новую жену?

Отец сощурил серые глаза. Такие же серые, как у меня.

– Переоденься и начни уже вести себя не как мальчишка, а как подобает чертовому мужику! – Он замолчал и после паузы продолжил: – И приведи Маттео. Пусть посмотрит, какой трусливой шлюхой была его мамаша.

– Нет.

– Что ты сказал? – Отец уставился на меня.

– Нет, – повторил я дрожащим голосом. Маттео любил нашу мать. Ему будет больно.

Отец сердито посмотрел на руку, все ещё лежащую на моем плече, а затем перевёл взгляд на телохранителя.

– Первый, выбей из него эту дурь.

Первый отдёргнув от меня руку и коротко скользнув по мне взглядом, приступил к исполнению приказа. Я рухнул на колени, опять скорчившись в крови матери, почти не чувствуя ударов. Мне только и оставалось, что рассматривать красные пятна на белом мраморе.

– Хватит! – прикрикнул отец, и удары прекратились. Я посмотрел на него снизу вверх, в голове звенело, спина и живот горели. Отец долго сверлил меня взглядом, я в ответ упрямо не отводил глаз. Нет. Нет. Нет. Я не приведу Маттео. Ни за что, пусть даже Первый изобьет меня до полусмерти. Я к боли привык.

Отец поджал губы.

– Второй! – позвал он второго телохранителя. – Приведи Маттео. Лука заляпает кровью новые персидские ковры.

Едва сдержав победную ухмылку, я попытался подняться, чтобы остановить Второго, но Первый крепко схватил меня за руку. Я сопротивлялся и почти вырвался, но тут в дверях показался Маттео, и я безвольно обмяк.

Карие глаза Маттео стали размером с блюдца, когда он увидел мать, кровь и свой нож рядом с ванной.

– Твоя мать тебя бросила. – Отец кивком указал на тело матери. – Покончила с собой.

Маттео смотрел, не проронив ни звука.

– Забери свой нож, – велел ему отец.

Маттео неуверенной походкой вошёл в ванную, и Первый сильнее сжал мою руку. Отец перевёл взгляд с меня на брата, который трясущимися руками поднял свой нож. Я ненавидел отца. Яростно ненавидел.

И ненавидел мать за то, что она нас бросила, за то, что сделала это.

– А теперь оба убирайтесь!

Маттео стоял как вкопанный, уставившись на окровавленный нож. Я схватил брата за руку и потащил в свою комнату. Когда я дотолкал его до ванной, он все ещё не сводил взгляда с ножа. Мне пришлось силой забрать у него нож. Я сунул его под кран, чтобы смыть запекающуюся кровь. В глазах защипало, но я не поддался.

Больше никаких слез. Никогда.

– Почему она взяла мой нож? – прошептал Маттео.

Я выключил воду, вытер нож полотенцем и протянул ему. Немного помедлив, он покачал головой и попятился, пока не упёрся в стену спиной и сполз по ней на пол.

– Почему? – бормотал он, и глаза его наполнились слезами.

– Не реви, – прошипел я, торопливо закрывая дверь ванной, опасаясь, что отцу вздумается зайти в мою комнату.

Маттео вздёргнул подбородок и сузил глаза, но все равно начал реветь. Я нетерпеливо схватил полотенце и опустился на колени рядом с братом.

– Маттео, хватит плакать. Прекрати, – прошептал я, сунув полотенце ему в лицо. – Вытри лицо, а то отец тебя накажет.

– Ну и пусть, – всхлипывал Маттео. – Мне все равно. – Но в его дрожащем голосе слышался ужас.

Я поглядывал на дверь, прислушиваясь к звуку шагов. Пока было тихо, если только отец не решил подкрасться, чтобы пошпионить за нами. Но скорее всего, сейчас он занят тем, что избавляется от тела матери. Может, прикажет своему консьюэри Бардони бросить ее в Гудзон. Меня передернуло.

– Держи полотенце! – рявкнул я.

Маттео, наконец, забрал у меня полотенце и резкими движениями вытер покрасневшие глаза. Я протянул ему нож, но брат с сомнением посмотрел на него.

– Бери.

Он поджал губы.

– Маттео, ты должен его взять.

Отец ни за что не разрешит его выбросить. Мой младший братишка все-таки послушался, протянул руку и пальцами обхватил рукоятку.

– Это просто нож, – произнёс я, хотя так же как он не видел на ноже ничего кроме крови.

Маттео кивнул и сунул его в карман. Мы уставились друг на друга.

– Теперь мы остались одни, – сказал он.

– У тебя есть я.

Стук в дверь прервал нас, я торопливо помог Маттео подняться на ноги. Дверь открылась, и на пороге появилась Марианна. Увидев нас, она на мгновение прикрыла глаза. Ее обычно аккуратно уложенные в пучок волосы сейчас торчали во все стороны, как будто она потеряла свою сеточку для волос.

– Хозяин послал меня убедиться, что вы готовы. Скоро приедет его консьюэри. – Ее голос звучал как-то странно и незнакомо, а губы дрожали. Она переводила взгляд с меня на Маттео и обратно.

Я кивнул. Она приблизилась и коснулась моего плеча.

– Мне так жаль.

Я отступил назад, подальше от ее касаний, и сердито посмотрел на нее, потому что это помогало не разреветься.

– Мне нет, – пробормотал я. – Она была слабачкой.

Марианна отшатнулась и изменилась в лице.

– Поторопитесь, – перед уходом выдавила она.

Маттео просунул свою ладошку в мою.

– Я буду по ней скучать.

Я посмотрел на свои ноги в окровавленных носках, но отвечать не стал, потому что это посчиталось бы слабостью. Мне нельзя быть слабаком. Больше никогда.

Чезаре со всей дури двинул кулаком мне в живот. Согнувшись пополам, я рухнул на колени. Марианна отложила в сторону вязание и заохала. Прежде чем он ударил бы меня по голове, я перекатился вбок, подскочил на ноги и выставил перед собой сжатые кулаки.

Чезаре кивнул.

– В следующий раз не отвлекайся.

Сжав зубы, я бросился в атаку, провёл обманный апперкот, поднырнул и ударил Чезаре по корпусу. Хрюкнув, он отскочил назад. Он обучал меня рукопашному бою с тех пор как мне исполнилось три года.

Чезаре отошёл от меня на безопасное расстояние.

– Когда подрастешь, станешь непобедим.

Я мечтал стать непобедимым прямо сейчас, чтобы не давать отцу нас наказывать. Я уже был выше и крепче других детей в классе, но мне нужно было стать еще сильнее. Я начал снимать перчатки.

Чезаре повернулся к Маттео. Тот, задумавшись и подтянув колени к груди, сидел на краю боксерского ринга.

– Теперь твоя очередь.

Брат никак не среагировал, уставившись в одну точку. Я бросил в него боксерскую перчатку. Он вскрикнул, потёр висок, взъерошив темно-каштановые волосы и нахмурился.

– Твоя очередь, – повторил я.

Маттео поднялся, но я заметил, что он расстроен. Причину его настроения я знал, но надеялся, что он будет держать ее при себе.

– Почему мы не поехали на похороны мамы?

В нашу сторону шла Марианна. Я бросил в него вторую перчатку.

– Заткнись.

Он топнул ногой.

– Нет! – Брат спрыгнул с ринга и потопал к выходу из спортзала. Куда это он собрался?

– Маттео! – крикнул я, бросившись за ним.

– Я хочу с ней попрощаться! Несправедливо, что она там совсем одна.

Нет, нет, нет! Зачем он говорит такое при посторонних?

Я не оглядывался, но знал, что Чезаре с Марианной слышат каждое слово. У самых дверей я схватил Маттео за руку и потащил назад. Он попытался вырваться, но я был сильнее. Он поднял на меня зареванные глаза.

– Хватит реветь, – строго прошептал я.

– Неужели ты не хочешь попрощаться? – охрипшим голосом спросил он.

Внутри у меня все сжалось.

– Она с нами тоже не попрощалась, – я отпустил Маттео, и он ещё сильнее разревелся.

Марианна погладила его по плечу, но ко мне не прикоснулась. Она усвоила урок. За эти дни каждый раз, когда она пыталась меня утешить, я ее отталкивал.

– Ты расстроен, и это нормально.

– Ну нет, – упрямо заявил я.

Неужели она не понимает? Если отец узнает, что Маттео плакал из-за матери, тем более при Чезаре, ему попадёт. Может и глаз ему выжжет, как угрожал мне. Я не мог позволить такому случиться. Оглянувшись, я заметил, что Чезаре торчит недалеко от нас, разматывая бинты на кулаках.

– Наша мать была грешницей. Самоубийство это грех. Она не заслуживает, чтобы мы горевали по ней, – повторил я то, что говорил мне наш духовник, когда мы с отцом ходили в церковь. Я не мог этого понять. Убийство тоже было грехом, но священник никогда не напоминал об этом отцу. Покачав головой, Марианна печально посмотрела на меня и погладила меня по плечу. Почему она никак не уймётся?

– Она не должна была оставлять вас одних, мальчики.

– Ее и раньше вечно не было с нами рядом, – заявил я, усилием воли сдерживая свои эмоции.

Марианна кивнула.

– Знаю, знаю. Ваша мать...

– ...была слабачкой, – прошипел я, отшатываясь от ее прикосновений. Я не хотел говорить о матери. Я просто хотел забыть о том, что она когда-либо существовала, и хотел, чтобы Маттео перестал смотреть на этот дурацкий нож так, будто тот может его убить.

– Не надо, Лука, – тихо попросила Марианна. – Не становись таким как твой отец.

То же самое перед смертью сказала мне бабушка Марселла.

Бабуля была хрупкой и маленькой. Кожа у неё была как будто велика для ее тела, как будто она одолжила ее у человека вдвое больше неё.

Она улыбнулась так, как никто и никогда мне не улыбался и протянула ко мне свою дряхлую руку. Я взял ее ладонь. Кожа у неё была как бумага, сухая и холодная.

– Не уходи! – потребовал я. Отец сказал, что она скоро умрет. Потому и послал меня к ней в комнату – чтобы я понял, что такое смерть, но я и без него это знал.

Бабуля легонько сжала мою ладонь.

– Я буду присматривать за тобой с небес.

Я покачал головой.

– Оттуда ты не сможешь нас защитить.

Ее карие глаза светились добротой.

– Скоро защита тебе будет не нужна.

– Я всеми буду править! – прошептал я. – А потом убью отца, чтобы он больше не обижал маму и Маттео.

Ба потрепала меня по щеке.

– Чтобы стать Доном, твой отец убил своего отца.

Я выпучил глаза

– Ты ненавидишь его за это?

– Нет. Твой дедушка был человеком жестоким. У меня не получилось защитить Сальваторе от него, – она так тихо прохрипела, что мне пришлось наклониться ближе, чтобы услышать ее. – Поэтому я старалась защитить тебя от твоего отца, но тоже не смогла.

Ее веки затрепетали, ба отпустила мою руку, но я вцепился в неё.

– Лука, не становись таким, как твои дед и отец.

Она закрыла глаза.

– Бабуля?

Я нахмурился и оглянулся на Чезаре, который, скрестив руки на груди, наблюдал за мной. Слышал ли он, что сказала Марианна? Отец на неё разозлится. До чертиков разозлится.

Я резко развернулся, подошёл к нему вплотную и, прищурившись, заявил:

– Ты ничего не слышал.

Чезаре удивленно вскинул брови. Не думает же он, что я тут шуточки шучу?

Я мало что мог поделаться. Вся власть была в руках отца.

– Ты никому ничего не скажешь. Или я нажалуюсь отцу, что ты распускаешь о нем сплетни. Я его наследник. Мне он поверит.

Чезаре опустил руки.

– Лука, тебе вовсе необязательно мне угрожать. Я и так за тебя, – сказал он и отправился в раздевалку.

Отец всегда говорил, что вокруг нас полно врагов. Но как мне узнать, кому я могу доверять?

Лука, 11 лет

Сквозь мой ночной кошмар, сквозь образы красных ручейков на белом мраморе прорвались крики. Дезориентированный, я сел в кровати, прислушиваясь к выстрелам и воплям. Что происходит?

Свет в коридоре включился, вероятно, сработали датчики движения. Я перекатился на край кровати, когда дверь открылась. В проеме появился высокий мужчина, которого прежде я никогда не видел. Он нацелил пистолет мне в голову.

Я застыл.

Он пришел меня убить. Мне стало понятно это по выражению его лица. Я уставился ему в глаза, собираясь умереть как настоящий мужчина, с высоко поднятой головой. Маленькая тень

скользнула за спиной мужчины, и Маттео с боевым кличем запрыгнул ему на спину. Пистолет выстрелил, и я дёрнулся, когда бок обожгло острой болью.

Пуля прошла гораздо ниже чем должна была. Если бы не Маттео, киллер убил бы меня. Слезы брызнули из глаз, но я выбрался из кровати и достал из тумбочки пистолет. Незнакомец направил пушку на Маттео. Я поднял пистолет, прицелился в голову мужчине, как учили меня Чезаре и Первый, и спустил курок. Во все стороны брызнула кровь, попала даже на испуганное лицо Маттео. На какое-то мгновение все как будто замерло – даже мое сердце перестало стучать – а затем завертелось с бешеной скоростью.

Незнакомец повалился вперёд и утянул бы за собой и брата, если бы Маттео вовремя не отпрыгнул. Он ошеломлённо посмотрел на меня, вниз на тело, а затем медленно перевёл взгляд обратно, задержавшись у меня на животе.

– У тебя кровь идёт.

Дрожа от боли, я зажал рану в боку. Рука с пистолетом тряслась, но я его не выронил. С первого этажа все ещё раздавались крики и выстрелы. Я дернул головой в сторону шкафа.

– Спрячься там.

Маттео нахмурился.

– Давай! – рявкнул я.

– Нет.

Пошатываясь, едва не теряя сознание от боли, я подошёл к нему. Ухватив Маттео за манжету пижамы, потянул его к шкафу. Несмотря на сопротивление, мне удалось затолкать брата внутрь и повернуть ключ.

Маттео колотил изнутри по двери.

– Выпусти меня!

Пока спускался по лестнице, меня трясло от тревоги и боли. Звуки привели меня в гостиную. Сначала я увидел отца. Сидя на корточках за диваном, он отстреливался от двоих мужчин. Те стояли ко мне спиной. Отец мазнул по мне взглядом, и я решил было, что не стану ничего делать. Я его ненавидел. Ненавидел за то, что он делает с Маттео, со мной и даже со своей новой женой Ниной.

И все же я поднял руку и выстрелил в одного из нападавших. Отец позаботился о другом. Схватившись за плечо, мужчина рухнул на пол. Отец подошёл, отшвырнул его пистолет подальше и прострелил ему обе ноги. Я услышал, как где-то в доме раздалась очередь выстрелов, а вслед за ними тяжелые шаги. Неровной походкой в гостиную вошёл Первый, кровь из раны на голове заливала его лицо.

Отец хмуро зыркнул на него.

– Вы всех убили?

Первый кивнул.

– Да. Но они прикончили Второго.

– Они не должны были прорваться так далеко, – пробормотал отец. Без предупреждения он вскинул пистолет и выстрелил в Первого. От неожиданности я вскрикнул, увидев, как телохранитель повалился на пол рядом со мной. Я знал его всю свою жизнь.

У меня подкосились ноги, рана в боку пульсировала болью. Разглядывая меня, отец достал телефон и сказал в трубку:

– Пошли за Доком, возьми Дюранта и идите сюда. Больше никому ничего не говори, пока я не выясню, кто крыса.

Закончив разговор, отец подошёл ко мне и дернул за шкурку, поднимая на ноги. Одной рукой удерживая меня вертикально, другой он убрал мою ладонь от кровоточащей раны и ткнул в неё пальцем. Перед глазами потемнело, я дёрнулся от боли. Отец резко встряхнул меня.

– Соберись. Не смей тут мне умирать.

Я открыл глаза. Покачав головой, отец отпустил меня. Я снова повалился на пол и, хватая ртом воздух, приподнялся на локтях. Отец вышел из гостиной оставив меня наедине с раненым. Тот стонал от боли и пытался ползти. Отец вернулся с веревкой, которой связал раненого незнакомца, затем достал нож и приставил к его предплечью. Отец начал срезать с него кожу, и мужчина закричал нечеловеческим голосом.

Как яблоко почистить – так всегда говорил отец, вот только яблоко не стало бы кричать и молить о пощаде.

Зажимая рукой кровоточащую рану в боку, я не сводил глаз с этой сцены, даже когда к горлу подступила тошнота. Отец следил за мной, я знал, что если отвернусь, меня накажут. В ушах звенели крики агонии, меня трясло. Внезапно руки ослабли, и мою щеку гостеприимно принял твёрдый пол. Постепенно шум в ушах заглушил крики, и все померкло.

В гостиной нашего особняка толпились в ожидании младшие боссы и капитаны. Стоя на середине, отец жестом подозвал меня к себе. Пока я шёл к нему, на меня были устремлены взгляды всех присутствующих. Я высоко задрал голову, потому что хотелось казаться повыше. Для своего возраста я и так был высоким, но окружающие мужчины все равно смотрели сверху вниз. А ещё они смотрели так, будто никогда такого как я не видели.

Я встал перед отцом.

– Самая ранняя инициация, которую когда-либо видела Семья! – громко объявил он. – Всего одиннадцать, а уже намного сильнее и беспощаднее, чем мог бы пожелать любой отец.

Меня раздувало от гордости. Отец никогда не говорил, что гордится мной, никогда даже намёка не делал на то, что мы с Маттео не обуза, а что-то значим для него. Я расправил плечи, в своём чёрном костюме и начищенных ботинках мне хотелось походить на взрослого.

– Сын мой, наши враги будут бояться произнести твоё имя вслух! *Моя кровь*. Мой наследник.

В его руке появился нож. Я знал, что последует за этим, потому протянул ладонь и даже не дёрнулся, когда он полоснул по ней лезвием. До этого дня отец уже много раз меня резал, подготавливая к этому дню, тренируя выносливость. Каждый раз, увидев, что я вздрогнул, он резал снова и капал на рану лимонный сок или сыпал соль. Это продолжалось до тех пор, пока я не начал скрывать любые признаки того, что мне больно.

– Рождённый в крови. Поклявшийся на крови. Я вхожу живым, а выйду мертвым, – четко произнёс я.

– Добро пожаловать в Семью, Лука. Теперь от моего имени ты будешь убивать и калечить, разрушать и сжигать.

В этот момент в гостиную втащили какого-то человека. Я не узнал его и не знал, в чем он провинился. Весь избитый и окровавленный, мужчина с мольбой смотрел на меня заплаканными глазами. Никто и никогда не смотрел на меня так, словно я хозяин положения.

Отец кивнул и протянул мне нож. Тот самый нож, которым убила себя моя мать. Я принял его и подошёл к мужчине. Новые телохранители отца, несмотря на сопротивление пленника, крепко держали его. Я вцепился пальцами в рукоятку. Все присутствующие внимательно следили за каждым моим движением, ожидая малейшего проявления слабости. Но я сын своего отца и однажды стану Доном. Вскинув руку, я быстро полоснул ножом по чужому горлу. Порез получился неуклюжим, хлынула кровь, забрызгав меня с ног до головы. Мужчина выпучил глаза, а я отшатнулся. Рухнув как подкошенный, он бился в конвульсиях и захлебывался кровью, глядя на меня глазами, полными ужаса.

Я наблюдал, как из него вытекает жизнь.

Через пару дней у меня на груди набили чернилами самые важные слова, которые на всю оставшуюся жизнь сделали меня мафиози. Отныне Семья превыше всего.

Глава 2

Лука, 13 лет

Когда мы вошли в «Фокси», отец покрепче сжал мое плечо. Я пару раз бывал здесь раньше, когда он заходил поговорить с управляющим и брал меня с собой. Этот наш бордель считался одним из самых элитных.

Перед баром выстроились в шеренгу шлюхи, а управляющий встал перед ними. Он кивнул отцу, а мне подмигнул. Отец выгнал его, махнув рукой.

– Лука, тебе тринадцать, – обратился ко мне отец. Я ужасно удивился, что он вспомнил о моем сегодняшнем дне рождения. Прежде он ничего такого не делал. – Вот уже восемнадцать месяцев ты член организации. Ты не можешь быть и девственником, и киллером.

Я покраснел и бросил взгляд на женщин, понимая, что они слышали то, что сказал отец. Ни одна не засмеялась, скорее всего из-за страха перед ним. Я приосанился, мне хотелось, чтобы они смотрели на меня с той же опаской, с какой смотрели на него.

– Выбери себе парочку, – велел отец, кивнув на шлюх.

Меня поразило осознание того, зачем я здесь. От нервов желудок скрутило узлом. Стараясь внешне казаться спокойным, я поплёлся к женщинам. В 13 лет при росте метр семьдесят я уже был довольно высок, так что, стоя передо мной на высоких каблуках, они оказались вровень со мной. Не сказать, что одежды на них было так уж много. Короткие юбки да лифчики. Я прошёлся по ним взглядом. Сиськи у всех были что надо, и я не мог глаз отвести. Пару раз в нашем стрип-клубе я уже видел голых девок, но то было издалека, так близко никогда. Они все были красивые. Я показал на брюнетку и блондинку.

Отец кивнул. Одна из них взяла меня за руку и повела к задней двери. Вторая пошла следом за нами. Наконец мы оказались в большом номере люкс. Я судорожно сглотнул, стараясь сделать вид, будто знаю, что сейчас будет. Я смотрел порно и слышал рассказы других мафиози, но сейчас казалось, что все не так, как представлял.

Блондинка начала медленно раздеваться и трогать себя за все места. В штанах стало тесно, и я смутился. Брюнетка расплылась в фальшивой улыбке и пододвинулась ко мне. Стало ещё больше неловко, но я не стал возражать, когда она погладила меня по груди.

– Ух, какой ты уже большой мальчик, – промурлыкала она.

Я молча наблюдал за ней, затем перевёл взгляд на блондинку, которая уже полезла трогать свою киску. Во рту у меня стало ужасно сухо. Брюнетка запустила руку мне в боксеры, и я не смог сдержать судорожного вздоха.

– Что ж, думаю, у нас все получится, правда, милый?

Я кивнул и позволил увлечь себя на середину большой круглой кровати.

Лука, 17 лет

– Нет, я, конечно, охуеть как счастлив, что отца не будет рядом, но почему я должен праздновать свой день рождения у Джуниора? – проворчал Маттео, заправляя рубашку в брюки и критическим взглядом окидывая себя в зеркале. Это уже четвёртая примерка. Блядь, как он стал таким самовлюбленным ублюдком? И похоже, с каждым годом было все хуже и хуже. Сейчас ему только пятнадцать, а смотреть на это уже нет никаких сил.

Чезаре бросил на меня быстрый взгляд. Мы с ним и Ромеро уже полчаса ждали, пока Маттео, наконец, соберётся.

– Невежливо отказываться, если кузен устраивает для тебя вечеринку, – сказал Ромеро так, как будто был раза в два старше, чем есть. На прошлой неделе ему исполнилось четырна-

дцать, а до того, пару месяцев назад, у него умер отец, и ему пришлось вступить в организацию. Его семья нуждалась в деньгах, но мы много лет были знакомы друг с другом.

– Я ему не доверяю, – пробормотал Чезаре. – Что он, что его семейка – они слишком честолюбивы.

Мой дядя Готтардо и его первенец Готтардо-Джуниор явно не в восторге от того, что я стану Доном после своего отца, но это можно сказать обо всех моих дядях. Они считали, что получше меня могли бы с этим справиться.

– Ладно, заскочим ненадолго, а потом вернёмся сюда и закатим свою вечеринку. Или можем вернуться в Нью-Йорк и сходить в один из наших клубов.

– Думаешь, мы будем в состоянии вернуться в Нью-Йорк? До Хэмптонса дорога неблизкая, – нахмурившись, возразил Ромеро.

– И чего ты такой до чертиков правильный?

Ромеро покраснел.

– Маттео, кончай. Всем насрать на твою рубашку, – прорычал я, когда показалось, что он собирается примерить ещё одну.

Особняк дяди Готтардо располагался по соседству с нашим, поэтому мы пошли пешком. Ворота нам открыл охранник, и по длинной подъездной дорожке мы дошли до парадных дверей, где уже поджидал Джуниор. Увидев нас, он нахмурился.

– Не ожидал, что вас будет так много.

– Ромеро с Чезаре всегда сопровождают нас, – сказал я, мы пожали руки и он отвернулся поздравить брата.

Когда мы вошли в холл, услышали грохот музыки и шум голосов из гостиной.

Отстегнув кобуру с пистолетом и ножны, я, как полагается, бросил их на комод. Маттео, Ромеро и Чезаре последовали моему примеру, и кузен повёл нас на вечеринку. С большинством гостей я знаком был лишь шапочно, в основном это были друзья Готтардо-младшего и его брата, Анджело, живущего в Вашингтоне.

– Как тебя сюда занесло? – спросил я, отправляясь взять в баре что-нибудь выпить. Вокруг нас извивались несколько полуголых девиц. Готтардо-младший даже установил по такому случаю шесты.

– Хочу пару дней отдохнуть. Бизнес выматывает.

Я кивнул. Братва в последнее время всем нам доставляет немало проблем.

– А теперь давайте повеселимся! – с широкой ухмылкой воскликнул кузен.

Спустя пару часов все мы набрались в хлам. Мы с Маттео присоединились к танцующим девицам. Вечер обещал быть долгим. Одна из шлюх начала прямо перед нами крутить задницей, сверкая ягодицами, а тонкая полоска стрингов не мешала обзору. Ромеро затерялся в одной из комнат с другой шлюхой. Может, потрахается, наконец. Чезаре, прикрыв глаза, развалился на кресле, пока одна из девок почти как профи объезжала его.

Маттео шлепнул танцовщицу по заднице, она взвизгнула, крутанулась и прижалась к его паху. Я упал в кресло рядом, бухло своё дело сделало. Одна из девиц опустилась на колени передо мной и принялась наглаживать мне член через штаны. Вторая подкралась сзади и прошла ладонями мне по груди. Я уже собрался рывкнуть на неё, чтобы не маячила у меня за спиной, как вдруг она повалилась вперёд. Из ее перерезанного горла хлестала кровь, заливая мне рубашку.

– Блядь!

Шлюха, массирующая мне член, подняла на меня выпученные от ужаса глаза. Отшвырнув от себя кресло, я развернулся, выставив руку перед собой как раз для того, чтобы увидеть, как Джуниор заносит для удара нож. Лезвие разрезало мне предплечье. Шлюхи завизжали. Где черт возьми, Маттео?

Джуниор снова поднял руку с ножом. Я боднул его плечом в грудь, а затем вцепился ему в горло и толкнул к стене. Вокруг нас поднялся гвалт, и вскоре послышался первый выстрел.

Я сосредоточился только на Джуниоре. Мне хотелось стереть его к чертям в порошок. Обеими руками я схватил его за горло и сжал изо всех сил.

– Ты гребаный предатель! – зарычал я. Неужели он думал, что сможет меня убить?

Глаза у него начали вылезать из орбит, я нажал сильнее, пока в его чертовых глазных яблоках не полопались сосуды, а кости в шее не захрустели под моими пальцами. Он в последний раз дёрнулся, и я повалил его на пол. На руках у меня осталась кровь.

Медленно повернувшись, я обнаружил что Маттео сидит верхом на другом парне и собирается перерезать тому горло.

– Нет! – скомандовал я, но было уже слишком поздно. Маттео распорол ублюдка.

Отдышавшись, я осмотрел окружающий хаос. Чезаре подпирал стену, вид у него был немного пришибленный. Из пореза на шее у него сочилась кровь, а у ног лежало чьё-то мертвое тело. Рядом тяжело дышал Ромеро в одних боксерах и с пистолетом наперевес. Две шлюхи были мертвы, остальные ревели и смотрели на меня так, будто я сам дьявол.

Я прошёл мимо них и подошёл к Ромеро с Чезаре. У Ромеро хлестала кровь из ранения в плече. Маттео неловко поднялся на ноги. Его широко распахнутые глаза лихорадочно блестя. Это был трепет убийства, уж я-то знаю.

– Ты раздавил его гребаное горло голыми руками!

– Отец не обрадуется, – буркнул я и перевёл взгляд на свои руки. На моем счету много убийств, но это совсем другое. Это более личное, ощущения чертовски интересные. Чувствовать, как жизнь покидает его, как под ладонями ломаются его кости... Блядь, мне это понравилось!

Чезаре всмотрелся в мое лицо.

– Ты в порядке?

Я поморщился. Неужели он думает, что меня волнует раздавленное горло моего кузена?

– Позвони моему отцу.

Я повернулся к Ромеро.

– Ты как?

Он пожал плечами.

– Жить буду. Пуля прошла навывлет. Один из приятелей Джуниора прибежал за пушкой одновременно со мной.

Я кивнул, но перед глазами у меня так и стояла картина того, как кузен умирает. Пробежавшись взглядом по оставшимися невредимыми шлюхам, я задумался, не причастен ли кто-либо из них к этому нападению.

– Блядь, поверить не могу, что наш кузен пытался нас убить!

– Откуда у тебя нож?

– Ты же знаешь, я без него никуда, – оскалился Маттео.

– Я больше никогда не оставлю свою пушку.

Ромеро подошёл ближе, его потряхивало.

– Как думаешь, твой дядя Готтардо и второй кузен замешаны в этом?

– Возможно. – Я сомневался, что Джуниор в одиночку придумал такой план. Вполне в духе Готтардо: вместо того, чтобы рисковать собственной никчемной жизнью, он использовал одного из своих сыновей. Трус.

– К чему было так рисковать? Даже если бы ему удалось нас убить, все равно остается твой отец, и он этого так не оставит, – задумчиво произнёс Маттео.

– Нет, – процедил я сквозь зубы. Если бы мы с Маттео были достаточно тупы, чтобы Джуниор нас убил, отец посчитал бы нас слабым звеном и позволил бы Нине забеременеть, и тогда у него был бы новый наследник. Конец истории.

Маттео поморщился, потому что это было правдой. И мы оба это знали.

– Мне нужно как следует выпить! – крикнул я одной из шлюх. Она опрометью бросилась к бару и принесла наполненный виски стакан. Я пристально посмотрел на неё, отпивая глоток, и она, не выдержав, опустила глаза. – Ты знала?

Она помотала головой и ответила:

– Нет. Нам сказали, что это вечеринка по случаю дня рождения. Мы должны были танцевать. Только и всего.

Со стаканом в руке я устроился в ближайшем кресле. Рядом в луже крови лежала шлюха, которой Джуниор перерезал горло. Маттео, Чезаре и Ромеро уселись напротив, ждать отца и его людей. Больше заняться было нечем. Мы убили Джуниора и его приятелей, так что допросить их не могли, а сам Готтардо вместе с Анджело сейчас были в Вашингтоне. Я поймал на себе взгляды Ромеро и Чезаре – уважение вперемежку с шоком.

– Блядь, не так я собирался провести этот денёк.

Где-то через час появился отец со своим консьюэри Бардони и несколькими солдатами. Едва взглянув в нашу сторону, он сразу же подошёл к телу кузена.

– Ты ему горло раздавил? – спросил отец, осматривая то, что осталось от Готтардо-младшего. В его голосе я уловил нотки гордости. Его ебучее одобрение мне без надобности.

Я кивнул.

– Оружия у меня не было, я считал, что нахожусь среди семьи, а не среди чертовых предателей. Он захлебнулся своей предательской кровью.

– Как будто тисками сработал, – прокомментировал Маттео.

– Лука-Тиски, – как-то странно улыбаясь, повторил отец.

То был охуенно долгий день, охуенно долгая неделя, одна за другой проверка на прочность. Я едва сдерживал желание замочить всех своих дядей.

– Меня достало, что они обращаются со мной как с гребаным малышом! – пожаловался я Маттео по пути в «Сферу».

Маттео ухмыльнулся и провёл рукой по волосам, если мне не изменяла память, уже в сотый раз. Однажды я его вырублю и сбрую на хрен его волосы, чтобы прекратить это бесконечное бесящее прихорашивание.

– Лука, тебе семнадцать. Пока ещё ты не мужчина. – Он так до противного точно передразнил голос дяди Готтардо, включая гнусавость, что мне захотелось вырвать связки из его горла.

Я видел страх в глазах дяди – после того, как раздавил горло Джуниору, тот же самый страх я замечал у многих смотревших на меня. Готтардо мог болтать эту чушь только потому, что считал – как мой дядя, он находится в безопасности. Я не понимал, как мог отец поверить ему и Анджело... А может, он и не поверил и упивался их унижением. Ведь с того дня отец усилил охрану, понимая, что среди нас остались предатели.

– Я мужчина больше, чем все они вместе взятые. Я убил больше людей, перетрахал больше женщин, и яйца у меня больше!

– Осторожнее с эго, – сказал, ухмыляясь, Маттео.

– У тебя прыщ на лбу, – проворчал я.

Конечно, я соврал, но принимая во внимание самовлюбленность Маттео, это был единственный способ отплатить ему за то, каким невыносимым мудаком он был все это время.

Как и ожидалось, Маттео тут же принялся ощупывать кожу на лбу в поисках обидного изъяна, затем прищурился и опустил руку. Я ухмыльнулся и закатил глаза. Мы подошли к вышибале, стоявшему у входа в «Сферу». Он коротко кивнул нам в знак приветствия и отступил, пропуская внутрь. В этот момент один из парней в начале длинной очереди крикнул:

– Эй! Мы вообще-то тут первые стояли! И этот пацан ещё не дорос по клубам ходить!

Мы с Маттео обернулись посмотреть на этого идиота. Конечно, он был прав в отношении Маттео – в пятнадцать лет ему нельзя находиться в таком ночном клубе, впрочем, как и мне. Из-за высокого роста все считали, что я старше своих лет.

Мы переглянулись и подошли к мистеру Длинный Язык. Его бравада слегка поутихла, стоило мне остановиться перед ним.

– У тебя какие-то проблемы?

– Существует закон, – пролепетал он.

Маттео расплылся в акульей ухмылке, которую долгими часами оттачивал перед зеркалом, доведя до совершенства.

– Для тебя – да.

– С каких это пор мальчикам можно ходить по клубам? Это выпускной или что? – обратился Длинный Язык к вышибале.

Маттео собрался при всех достать свой нож, а я собирался позволить ему развлечься, когда одна из девушек в очереди подала голос:

– А по-моему, он не похож на мальчика, – кокетливо покосилась она на Маттео.

– А ты похож на мой сегодняшний трофей, – поддакнула ее подруга, призывно улыбаясь мне.

Я выгнул бровь. Маттео всегда притягивал девушек своей ослепительной харизмой, но мой брутальный образ хищника тоже имел свои плюсы. Обе девицы были высокими и светловолосыми. Ходячий секс.

– Пропусти их, – сказал я вышибале. Тот приоткрыл ограждение, давая им проход. – А тому чуваку и его друзьям вход в «Сферу» закрыт, – добавил я.

Нам в спину понеслись их протестующие вопли, но мне было плевать. Я приобнял блондинку, ту, что была ближе ко мне. В ответ она сжала мою задницу и одарила меня соблазнительной улыбкой.

Маттео со своей девушкой уже вовсю орудовали языками друг у друга во рту.

– Здесь найдётся место, где мы можем потрахаться? – прижимаясь ко мне, спросила блондиночка.

Я ухмыльнулся. Всё, как я люблю. Девчонки, с которыми не нужно заморачиваться, легкодоступные и не задающие лишних вопросов.

– Конечно, – ответил я, протянув руку и сжав ее ягодицы.

– А член у тебя такой же большой, как и всё остальное? – спросила она, пока я вёл ее через чёрный ход в подсобку.

– У тебя будет время самой это выяснить, – прорычал я, и она выяснила. Едва за спиной захлопнулась дверь, блондинка опустилась на колени и высосала из меня все мысли до единой. Она отсасывала мне не хуже профессионалки, измазав мне член своей красной помадой. Я откинул голову назад и прикрыл веки.

– Блядь, – прошипел я, когда она проглотила особенно глубоко. Ей удавалось это лучше, чем большинству шлюх, с которыми я был, а они потратили не один год на совершенствование своих навыков. Я расслабился, привалившись спиной двери, все ближе и ближе подбираясь к тому, чтобы кончить ей в горло. Внезапно я почувствовал, что она как-то странно зашевелилась и напряглась. На чистом инстинкте я открыл глаза за мгновение до того, как девица размахнулась, собираясь воткнуть что-то мне в бедро. Я успел ударить ее по руке, и из нее выпал шприц. Девка потянулась за ним, а я схватил ее за горло и отшвырнул подальше от себя. Раздался тошнотворный звук ломающихся костей, когда она упала, ударившись затылком об угол полки. Тяжело дыша, я с недоумением уставился на шприц. Что за дерьмо она пыталась мне вколоть?

Поддёргнув брюки, нетвердой походкой подошел к ее телу. Проверять пульс смысла не было: ее шея вывернулась под таким неестественным углом, что не оставалось сомнений в ее

смерти. Склонившись над девкой, я содрал с неё джинсы. На бедре ожидаемо обнаружился рубец от сведенной татуировки. Этот знак мне знаком – пара скрещенных калашей – так ебучая Братва метит всех своих шлюх.

– Да бля! – прорычал я. Это ловушка, и я в нее угодил, когда ослабил бдительность. Вместо того, чтобы включить голову, пошёл на поводу у собственного члена. Разве случай с кузеном не должен был научить меня уму-разуму?

Я резко выпрямился. Маттео. Черт! Я со всех ног бросился обыскивать остальные помещения, но не обнаружил ни его, ни ту шлюху, несомненно, подосланную Братвой. На танцполе я его тоже не заметил. Где же он?

Высочив на улицу, я пронесся мимо очереди у входа и завернул за угол, оказавшись в маленьком переулке позади «Сферы». Маттео был занят тем, что направлял ее голову. Глаза, конечно же, он закрыл. Какие же мы дебилы, блядь! Ни один чертов минет не стоит того, чтобы забывать о первом правиле в нашем мире: доверять никому нельзя.

А шлюха тем временем уже тянула руку к своей сумке.

– Маттео! – рывкнул я, выхватывая пушку. Он распахнул глаза, оглядываясь со смесью раздражения и растерянности, пока до него не дошло, что она держит в руке. Маттео потянулся к своему ножу, а она занесла руку со шприцом. Я спустил курок, и пуля прошила ее голову насквозь. Шлюха завалилась набок, шприц выпал из ее руки.

С чертовым стояком и ножом в руке Маттео уставился на женщину, лежащую у его ног. Я подошёл к нему и продемонстрировал шрам на ее бедре.

– Почему бы ей не подождать, пока я кончу, а потом уже пытаться прикончить меня? – пожаловался он.

Я выпрямился и поморщился.

– Почему бы тебе не натянуть штаны обратно? Больше не перед кем хвастаться своими причиндалами.

Он подтянул брюки, застегнул ремень, а затем посмотрел на меня.

– Спасибо, что спас мою задницу, – ухмыльнулся он мне, но улыбка тут же исчезла. – Ну ты-то хоть успел получить оргазм, прежде чем твой «сегодняшний трофей» попытался отправить тебя на тот свет?

Я покачал головой.

– Братва почти добралась до нас. Мы оба вели себя как долбоебы, позволив этим тупым шлюхам обвести нас вокруг члена, как похотливых подростков.

– Мы самые что ни на есть похотливые подростки, – сострил Маттео, пряча нож в ножны. Я уставился на лежащую на полу мертвую бабу.

– Вторая шлюха тоже мертва? – спросил Маттео.

Я кивнул.

– Сломал ей шею.

– Это первые убитые тобой женщины, – произнёс он осторожно, внимательно вглядываясь в мое лицо. Бог знает что он там хотел найти. – Чувствуешь за собой вину?

Я разглядывал кровь, окрасившую асфальт и безжизненные глаза этой девушки. Все, что я сейчас чувствовал – это злость. Злость на себя за то, что стал легкой мишенью, за то, что уверовал, что красивая женщина не представляет угрозы. А ещё во мне бурлила ненависть к Братве – за попытку меня убить, и, что гораздо хуже – за то, что пытались убить Маттео.

– Нисколько, – ответил я. – Единственное, о чем жалею – что убил их прежде, чем успел допросить. Теперь придётся похищать этих гребаных козлов из Братвы и из них уже выбивать информацию.

Маттео поднял шприц, и я подобрался, опасаясь, что яд может случайно попасть на кожу. Содержимое шприца, без сомнения, вызовет мучительную смерть.

– Надо узнать, что в нем.

– Но сначала нужно избавиться от парочки тел, пока их не нашли гости или полиция. – Я набрал Чезаре и сказал в трубку: – Ты мне нужен в «Сфере». Срочно.

– Понял. Дай мне минут десять, – ответил Чезаре. Похоже, я его разбудил.

Чезаре в большей степени был предан мне, чем отцу. Он держал язык за зубами, и я ему доверял.

– Отец будет недоволен, – буркнул я.

– Тем, что мы угодили в ловушку или тем, что Братва пыталась нас замочить?

– Первое, а может, и второе тоже.

– Мне начинает надоедать, что все, кому не лень, пытаются нас убить, – проворчал Маттео, его тон в кои то веки стал серьезен.

Я тяжело вздохнул.

– Да, так и есть. И так будет всегда. Доверять мы можем только друг другу. Больше никому.

Маттео покачал головой.

– Посмотри на отца. Он никому не доверяет. Даже Нине.

Отец действительно не доверял собственной жене, принимая во внимание то, как плохо обращался с ней. Браки в нашем мире редко основываются на доверии, ещё реже – на любви.

Глава 3

Лука, 20 лет

Музыку и смех мы слышали ещё в лифте.

– Похоже, мы неплохо проведём время на этой вечеринке, – сказал Маттео, оценивая свой вид в зеркале на дверях. Если не считать общих черт лица, в остальном мы с ним очень разные. Я копия отца – те же холодные серые глаза и чёрные волосы, но в отличие от отца, никогда не стал бы носить такую причёску с отвратительно зализанными волосами.

– Это радует, но в первую очередь мы здесь для того чтобы наладить связи.

Апартаменты принадлежали сенатору Паркеру, который на данный момент вместе с женой находился в отъезде. Воспользовавшись случаем, его сын Майкл устроил вечеринку, пригласив на нее практически всех, кто хоть что-то значил в Нью-Йорке.

Когда мы с Маттео вышли из лифта, Майкл уже поджидал нас в проеме открытых дверей. Без костюма я видел его впервые с тех пор, как парень решил пойти по стопам отца-сенатора. Он помахал нам. По его кривой ухмылке было видно, что он уже бухой.

Я молча кивнул. На мгновение мне показалось что Майкл собирается обнять меня, как это принято у обычных людей, но потом, видимо, он передумал. Ему же лучше.

– Рад, что вы смогли прийти, – еле ворочая языком сказал он. – Возьмите себе что-нибудь выпить. Я нанял несколько барменов, которые замутят любой коктейль, какой только пожелаете.

В пентхаусе было полно гостей, ритм музыки отдавался у меня в висках. Обычно мы с Маттео почти не пили, если вообще пили. Даже если эти люди казались безобидными, мы извлекли урок из ошибок прошлого. Большинство гостей обделались бы от страха, узнай они, сколько всего у нас с Маттео за плечами после того, как мы стали членами Семьи. Хорошо, что у них нет никаких подтвержденных фактов о нас, только слухи. Официально мы считались наследниками бизнесмена, владельца недвижимости и хозяина клуба Сальваторе Витиелло.

С нашим приходом люди начали перешептываться. Каждый раз одно и то же. Майкл махнул в сторону бара и что-то промышал, но я его почти не слушал. Меня привлек танцпол в центре большого зала, который, вероятно, считался гостиной, пока ради вечеринки из него не вынесли всю мебель. Несколько девушек, танцевавших с сыновьями политиков, бросали на нас томные взгляды.

Мы переглянулись с Маттео. Любительницы острых ощущений уже нацелились на наши персоны. Такие девушки, из порядочных семей, изнеженные пустышки, были нашей основной добычей.

Одна из девушек тут же принялась трахать меня взглядом. То была высокая блондинка – настоящая секс-бомба – с силиконовыми сиськами, в платье, обтянувшем ее тело, как вторая кожа. Оставив своего партнёра по танцу недоуменно смотреть ей вслед, она направилась ко мне, цокая высокими каблуками.

Майкл застонал, привлекая мое внимание.

– Это моя младшая сестра Грейс.

Я нахмурился. Такой расклад может спутать мне все карты. Майкл посмотрел на меня и на Грейс.

– Мне плевать, если ты с ней замутишь. Она все равно никого не слушает. Вечно в поисках новой жертвы. В эту банку с горчицей окунулось много сосисок, если ты понимаешь, о чем я.

Это меня удивило. Конечно, мне нет дела до того, перетрахала ли Грейс половину мужского населения Нью-Йорка. Кроме как сосать и трахаться, такая больше ни на что не годится.

Но в отличие от Майкла, если бы она была моей сестрой, я бы точно не позволил ей вести себя подобным образом.

Майкл тряхнул головой.

– Я пас. Избавлю себя от этого зрелища.

Он двинулся к бару, и Маттео, задержавшись, чтобы подмигнуть мне, отправился следом за ним.

Грейс, пританцовывая, подбиралась все ближе и ближе, пока не положила руку мне на грудь.

– Я слышала, ты связан с организованной преступностью, – пропела она мне на ухо. Рука скользнула ниже. Грейс жадно и томно заглянула мне в глаза. Она недвусмысленно демонстрировала свое желание.

Если она продолжит меня гладить, наткнется на пушку, заткнутую за пояс и прикрытую рубашкой.

– Значит, вот что ты слышала? – спросил я с улыбкой, которая всегда заводила девок типа нее. Улыбка достаточно мрачная, чтобы зацепить натуру пустой избалованной богатенькой девицы. Но моя внешность совершенно не отражает мою истинную темную сущность.

– Так это правда? – затрепетала она.

– А ты как думаешь? – пророкотал я, прижимая ее к себе и демонстрируя грубоватую брутальность.

Приоткрыв губы, она смотрела на меня со смесью страха и желания.

– Я думаю, что хочу, чтобы меня оттрахали.

– Прекрасно, – мрачно сказал я. – Потому что собираюсь прямо сейчас это сделать. Веди.

Расплывшись в восторженной ухмылке, она схватила меня за руку и потянула за собой. Маттео радостно покивал мне, но уже через секунду засунул язык в горло какой-то брюнетке.

Грейс привела меня в свою спальню. Толкнув ее к туалетному столику, я приподнял девушку и усадил задницей на столешницу, сбив при этом на пол половину косметики и тюбиков помады. Грейс поджала губы.

– Ты всё разбросал.

Я хищно оскалился.

– Я похож на того, кого это ебет? Когда я тебя трахну, вся остальная помада тоже окажется на полу.

Она раскрыла ротик. Привыкла к бесхребетным богатеньким соплякам, которые и мухи не обидают.

– Значит, будешь потом ее собирать.

Она что, проверить меня решила? Хочет посмотреть, можно ли помыкать мной, как предыдущими бойфрендами?

Здрав ей юбку, я проверил кожу на бедрах на наличие шрамов, скорее по привычке, чем по необходимости. Она не убийца Братвы, определённо.

– Грейс, черта с два я буду это делать. Уяснила? – прорычал я. Сунув руку ей между ног, отодвинул полоску стрингов и обнаружил, что она уже течёт. – Люди делают то, что говорю им я, а не наоборот. Этот ебучий Нью-Йорк принадлежит мне! – продолжил я, вгоняя в неё два пальца. В ее глазах сверкнула искра восхищения.

Ее восхищала опасность, даже если она не знала о ней ни черта.

Я грубо трахал ее пальцами.

– Придуши меня, – прошептала Грейс.

Так мы из тех, кто пожёстче любит?

Я сжал пальцы вокруг ее горла и прижал ее к зеркалу, отправляя оставшуюся косметику на пол. Грейс задрожала от наслаждения. Я почти не нажимал; если бы Грейс знала, что таким образом я когда-то убил человека; если бы знала, что этими руками я делал много чего

и похуже, о таком не просила бы. Но для неё это была всего лишь игра, возбуждающее извращение. Все девушки видят во мне воплощение своих самых тайных фантазий.

Она не понимала, что перед ней я не строил из себя жестокого брутала. Что бы она ни думала, образ на публике и близко не стоит с моей истинной темной сущностью.

Нам с Маттео удалось поспать от силы пару часов, когда пришел отец и велел спускаться на завтрак. Но перед этим он хотел переговорить со мной с глазу на глаз. Это не к добру.

– Как думаешь, что ему надо? – спросил Маттео по пути в кабинет отца.

– Да кто его знает?

Я постучал.

– Войди, – наконец, крикнул отец, заставив меня потоптаться под дверью больше пяти минут.

– Удачи, – криво усмехнувшись, напутствовал Маттео.

Не обращая внимания на его слова, я зашёл в кабинет. Меня бесила эта необходимость каждый раз бежать по первому зову отца. Приказывать мне мог только он – и наслаждался своей привилегией на всю катушку. Сейчас он восседал за рабочим столом с той самодовольной улыбкой, которая меня бесила особенно сильно.

– Отец, ты меня звал? – произнёс я, пытаюсь казаться невозмутимым.

Его улыбка стала шире.

– Лука, мы нашли тебе жену.

Я выгнул бровь. Я знал, что вот уже несколько месяцев они ведут переговоры с чикагским Синдикатом по поводу возможного союза, но делиться информацией отец особо никогда не спешил. Ему нравилось иметь надо мною власть.

– Из Синдиката?

– Конечно, – ответил он, постукивая пальцами по столу и внимательно наблюдая за мной. Ему не терпелось услышать от меня вопрос – кто она такая, хотелось подольше потянуть кота за хвост, чтобы позлорадствовать. Хрен ему. Я сунул руки в карманы, смело встретив его взгляд.

Его лицо потемнело.

– Она самая красивая женщина из тех, что есть у Синдиката. Потрясающая красотка. Золотые волосы, голубые глаза, светлая кожа. Ангел, спустившийся с небес, если верить Фиоре.

Я трахнул множество красоток. Не далее, чем вчера ночью осквернил с Грейс все поверхности в ее комнате. Неужели он считает, что меня как-то потрясёт новость о том, что мы нашли красивую жену? Будь моя воля – я бы не стал жениться в обозримом будущем.

– Надеюсь, тебе понравится обламывать этому ангелу крылья, – добавил отец.

Я ждал «но». Отец выглядел слишком самодовольно, как будто за пазухой у него что-то спрятано, и он знал, что мне это не понравится.

– Может, ты о ней слышал. Ария Скудери. Дочь Консильери, несколько месяцев назад ей исполнилось пятнадцать.

Мне не удалось быстро скрыть шок. *Пятнадцать?* Блядь, он, наверное, шутит?

– Мне казалось, им нужно, чтобы свадьба состоялась в ближайшее время, – осторожно сказал я.

Отец откинулся на спинку кресла, выискивая в моем облике малейший проблеск слабости.

– Им нужно. Нам всем нужно.

– Я не собираюсь жениться на чертовом ребёнке, – прорычал я, меня достали эти расшаркивания. Меня уже тошнило от его игр.

– Лука, ты женишься на ней и будешь с ней спать.

Я глубоко вздохнул, прежде чем сказал или сделал что-то, о чем позже пожалею.

– Неужели ты на полном серьезе считаешь, что наши люди будут меня уважать, если я поведу себя как сраный педофил?

– Да ладно тебе. Они нас уважают, потому что боятся. И Ария не настолько юна. Она достаточно взрослая для того, чтобы ты раздвинул ей ноги и трахнул.

Уже не впервые я задумывался, а не пустить ли ему пулю в голову. Он мой отец, но к тому же чертов садист, а я ненавижу такое больше всего на свете.

– А что девочка говорит о вашем плане?

Отец залился лающим хохотом.

– Она пока не в курсе, да и кого волнует, что она думает. Она сделает то, что ей велят, впрочем, как и ты.

– Неужели ее отец не против отдать мне свою дочь до того, как она станет совершеннолетней?

– Он не против.

Что за скот этот Скудери? Я видел, что отцу доставляет удовольствие моя ярость.

– Однако Данте Кавалларо был против этой идеи и предложил отложить свадьбу.

Я кивнул. По крайней мере, один человек в Синдикате не лишился своего гребаного разума.

– Разумеется, мы ещё не решили, как поступить. Я дам тебе знать, как только определимся. Я спущусь в столовую через пятнадцать минут. Передай Нине, что я хочу яйцо пятиминутной варки. Ни секунды дольше.

Посчитав, что разговор окончен, я вышел. Маттео подждал, прислонившись к стене напротив кабинета отца. Я метнулся мимо него, пытаюсь справиться с охватившей меня яростью. Жаждал убить кого-нибудь, и лучше, чтобы этим кем-то оказался отец. Ноги сами привели меня к бару в гостиной.

– Что на этот раз учудил наш папаша-садист? – спросил Маттео, догоняя меня.

Я просверлил его взглядом.

– Он хочет, чтобы я женился на каком-то гребаном ребёнке.

– Что за хуйня? Я думал, он хотел свести тебя с самой красивой женщиной ебучего Синдиката? – с сарказмом бросил Маттео.

– Судя по всему, красивые женщины у них там закончились, потому что они хотят женить меня на Арии Скудери – а ей, блядь, всего пятнадцать.

Маттео присвистнул.

– Что за хуйня!. У них совсем крыша поехала? Чем бедная девочка заслужила такую печальную участь?

Я был не в настроении для его шуток. Мне хотелось кому-нибудь вдарить.

– Она старшая дочь консильери и похожа на ангела, спустившегося с небес, если верить Фиоре Кавалларо.

– Поэтому они выдают её замуж за дьявола. Союз, заключённый в аду.

– Маттео, ты начинаешь меня бесить.

Я перегнулся через барную стойку, схватил самую дорогую бутылку виски, которую наш отец берёт для особых случаев, поднёс к губам и сделал большой глоток.

Маттео забрал у меня бутылку и опрокинул в себя, уничтожив значительное количество янтарной жидкости, после чего передал мне. Какое-то время мы так и передавали ее туда и обратно, как вдруг Маттео подал голос снова:

– Неужели они всерьёз собираются женить тебя на этой девочке? В смысле, я обеими руками за всевозможные извращения, но трахнуть пятнадцатилетнюю слишком странно даже для меня.

– Этот мудака, ее отец, передал бы ее мне хоть завтра. Похоже, этому ублюдку плевать на неё.

– Так что ты будешь делать?

– Я сказал отцу, что не женюсь на ребёнке.

– И он ответил тебе, что надо быть мужиком и делать то, что велит тебе твой Дон.

– Ага, так и сказал. Он не видит причин, по которым для свадьбы девочка должна быть старше. Все, что ей нужно делать, – раздвигать ноги передо мной.

Маттео прищурился в этой своей чертовски раздражающей манере, которая появлялась у него, когда он пытался что-то понять.

– И ты сможешь?

– Смогу что?

Я понимал, что он имел в виду, но меня до чертиков раздражало то, что ему приспичило спросить. Я ожидал подобный вопрос от кого угодно, но только не от него. Он знал, что даже у меня были определенные границы, которые я не готов был нарушить. И все же. Я давно усвоил, что «никогда не говори никогда» должно быть жизненным кредо.

– Ты трахнешь ее?

– Я убийца, а не педофил, тупой ты мудака.

– Говоришь как истинный филантроп.

– Пошёл ты, и завязывай читать этот ебучий словарь!

Маттео ухмыльнулся, а я покачал головой, улыбнувшись в ответ. Этот ублюдок знал, как поднять мне настроение.

Маттео почти не умолкал с тех пор, как мы вышли из самолета, и явно не собирался останавливаться теперь, когда шли по дому Скудери. Я был в нескольких секундах от того, чтобы свернуть ему шею.

– Лука, кончай дуться. Ты должен быть счастлив. Встретишься сегодня со своей невестой. Неужели тебе не любопытно, как она выглядит? Может, она уродина.

– Нет, не может. Отец не позволил бы Синдикату так нас надуть. Но я не нашёл ее фотографий в интернете. Похоже, Скудери держит свою семью подальше от внимания общественности.

– Я удивлён, что прислуга не последовала за нами. Это вроде как риск – позволять потенциальным врагам шлаться без присмотра по дому. Наводит на мысль, не ловушка ли это, – сказал Чезаре, поглядывая через плечо.

– Это демонстрация силы. Скудери хочет дать нам понять, что не волнуется по поводу нашего присутствия, – ответил я, когда мы двинулись в направлении, указанном служанкой.

Я услышал топот бегущих в нашу сторону ног и потянулся за пушкой. Когда мы заворачивали за угол, Чезаре и Маттео тоже схватились за оружие. Увидев, что вызвало переполох, я расслабился. Дети, играя в догонялки, неслись напрямик на нас. Мальчишке удалось затормозить, а вот маленькая девочка, взмахнув ручками, со всего маху, врезалась в меня. Я подхватил ее, чтобы она не упала. Я удерживал ее за плечи, а она рассматривала меня округлившимися глазами.

– Лилиана! – вскрикнула другая девочка. Я заметил ее золотые светлые волосы и понял, кто она. Ария Скудери, моя будущая жена. Она была среди них самой старшей, но, черт побери, все равно казалась чертовски юной. То есть, конечно, увидеть взрослую женщину я и не ожидал, но у меня теплилась надежда, что ее возраст не будет так очевиден. Когда мне было столько же, я уже ощущал себя мужчиной и вел по-мужски. Не знаю, как бы я поступил, если бы Каваларо с отцом не согласились подождать, пока ей не исполнится восемнадцать.

Она оказалась по-детски миленькой, но за этими юными очертаниями скрывалось обещание настоящей красоты. Девочка была небольшого роста, но с моими габаритами большинство женщин можно было бы назвать невысокими. Через несколько лет, когда станет моей женой, она будет сногшибательна. И до тех пор ей стоит научиться лучше скрывать свои эмо-

ции. Вид у нее был чертовски испуганный. Я привык к тому, что люди так реагируют на меня, но предпочитал, чтобы женщины восхищались и хотели секса со мной.

– Лилиана, иди сюда! – произнесла Ария. Она так явно старалась выглядеть смелой и взрослой. Это вышло бы у нее гораздо убедительней, если бы ее голос не дрожал, а глаза не были испуганными. Я отпустил Лилиану, и та помчалась к Арии так, будто за ней гнался сам дьявол. Эти девочки никогда не видели посторонних мужчин? Похоже, Скудери держал их в золотой клетке, но меня это вполне устраивало.

– Это Лука Витиелло! – выпалила рыжеволосая и сморщила свой чертов нос, глядя на меня.

К такому хамству я не привык. Люди понимали, что ко мне нельзя относиться непочтительно. Но, видимо, не отпрыски Скудери.

Послышалось шипение, и пацан бросился на меня, на полном серьезе собираясь мне навалить.

– Оставь Арию! Ты ее не получишь!

Чезаре дёрнулся, собираясь вмешаться, как будто я сам не справлюсь с малявкой.

– Нет, Чезаре. – Я перевёл взгляд на мальчишку. Его пыл достоин восхищения, но совершенно бесполезен. Я поймал парнишку за руки.

Ария приблизилась ко мне, как будто опасаясь, что я могу свернуть шею ее брату, а потом и ей самой. Блядь, что ей обо мне наплели? Лучше бы наврали. Я понимал, какая у меня репутация, и чертовски ею гордился, но все же Арии о ней знать необязательно – до поры до времени.

– Какой теплый прием мы получили! Вот оно, пресловутое гостеприимство Синдиката! – изрек Маттео, разрешив, как обычно, своему болтливому языку нести что ни попадя.

– Маттео, – предупредил я, пока он не сболтнул лишнего. Они дети – даже моя будущая жена – и им ни к чему слышать его разнообразный красочный лексикон.

Малявка извивался у меня в руках, огрызаясь и рыча, как бешеная собака.

– Фабиано, – позвала Ария, на долю секунды задержав на мне взгляд, прежде чем схватила за руку своего братца. – Достаточно. Мы не так встречаем гостей.

Несмотря на ее хрупкость, похоже, брат и сестры Арию слушались. Фабиано прекратил бороться и устоял на нее так, будто она центр его мира.

– Он не гость. Он хочет украсть тебя, Ария.

Извини, дружок, все эти чертовы договоренности о браке не моя идея. И все же мне пришлось признать, что после того, как увидел Арию, я бы ни за что не дал ускользнуть ей из моей хватки. Теперь она моя. Я любовался ее улыбкой, обращенной к брату, в ней было столько доброты и нежности, что меня это потрясло.

Маттео захихикал.

– Это что-то новенькое. Не жалею, что отец убедил меня приехать.

– Приказал. – Наш отец никогда никого не пытался убедить. Он приказывал, подкупал или шантажировал.

Арии нелегко было выдержать мой взгляд; мое внимание ее заметно смущало. Ее щеки стали пунцовыми. Я отпустил ее брата, и она крепко прижала его к себе. Девушка была так застенчива и испугана, что я задался вопросом, посмела бы она выступить против меня, если бы я на самом деле попытался сделать что-нибудь с ее братом? Не в том смысле, что я сделал бы. В нападении на детей и женщин чести нет.

– Прошу прощения, – произнесла еле слышно Ария. – Мой брат не хотел проявить неуважение.

– Я хотел! – закричал мальчишка.

Ария резко вскинула руку и зажала ему рот. Я чуть не засмеялся. Давно уже женщина не вызывала у меня улыбки, даже случайно.

– Не извиняйся, – прошипела рыжеволосая девчонка. – Не наша вина, что он и его телохранители занимают так много места в коридоре. Фабиано сказал правду. Все думают, что должны лизать ему зад, потому что он станет Доно...

Я послал Маттео красноречивый взгляд. У этой девочки такой же отвратительный характер, как у него.

Наконец, после долгих препирательств Ария заставила сестер и брата уйти, что меня порадовало. Они действовали мне на нервы. Не удивительно, что Скудери хотел поскорее выдать своих дочерей замуж.

Взглянув на меня, Ария смутилась.

– Прошу прощения за сестру и брата. Они...

– Защищают тебя, – подсказал я ей. – Это мой брат Маттео.

Ария едва взглянула в его сторону, но правда в том, что и в мои глаза она не смотрела.

Я кивнул на Чезаре.

– А это моя правая рука, Чезаре.

Она моргнула. Казалось, она бросится наутек, если я шагну в ее направлении.

– Я должна пойти к брату и сестрам.

Она развернулась и поспешила прочь, я проследил за ней, пока ее белокурая головка не исчезла из поля зрения.

– Лука, у тебя получилось. Своим грубым шармом вселяешь в девочек ужас направо и налево, – заметил Маттео.

– Пора идти. Скудери спросит, почему мы так долго.

Скудери – последний, с кем бы я хотел встречаться, если только встреча не подразумевала ножи, пушки и кровопролитие. Я уже ненавидел его. Какой отец стал бы выдавать такую девочку, как Ария, за парня вроде меня? Она похожа на ангела, так же застенчива и невинна. Относительно себя у меня не было никаких иллюзий: холодный ублюдок в лучшие дни и монстр в остальное время. По крайней мере, у неё в запасе имелось ещё три года до того, как я получу шанс разрушить её жизнь своей тьмой.

Выпивки целого мира не хватило бы, чтобы сделать присутствие Скудери и Фиоре Кавалларо более терпимым. Больше всего на свете мне хотелось перерезать им глотки и посмотреть, как они истекут кровью. Маттео искоса взглянул на меня, наверняка зная, о чем я думаю. Он и секунды бы не колебался, попроси я его достать ножи. Маттео всегда готов воткнуть нож в очередного мудака, который его бесит.

– Лука, она настоящая красавица, – гордо заявил Скудери. – Вы не пожалеете о своем выборе.

На самом деле, выбора у меня не было, но эти слова я оставил при себе. Нет смысла затевать спор, особенно если отец ястребиным взором следит за мной.

– Она абсолютно целомудренна. Ей никогда не разрешалось ходить куда-то без телохранителей. Она только твоя.

Я выдавил из себя улыбку. Мысль о том, что кто-то может прикоснуться к Арии, заставляла мою кровь кипеть. Я чувствовал себя чертовым собственником. Меня никогда не волновало, если девушки, с которыми я сплю, трахаются с другими мужиками, но я убил бы любого, кто посмеет косо посмотреть на Арию.

– Нет ничего лучше, чем их ломать, – влез кузен Арии Раффаэле.

Он был на голову ниже меня. Если бы сегодняшний вечер закончился кровавой баней, я убил бы его в последнюю очередь. Так, чтобы иметь возможность не торопиться с ним. И посмотреть, получилось бы у него продолжать так гаденько ухмыляться, когда мой нож будет торчать из его глазницы. Данте хмуро глянул на своего солдата, и Рафаэле поспешить уткнуться

в стакан перед собой. Это был первый раз, когда Данте проявил хоть какую-то реакцию. Совсем недавно у него умерла жена.

Конечно, Доном Синдиката официально все еще считался Фиоре, но я не мог отделаться от ощущения, что именно Данте дирижирует на этом концерте.

В дверь постучали.

Когда она открылась, и в комнату, не поворачиваясь к нам лицом, прокралась Ария, я напрягся. Она была не похожа на ту девочку, что я видел вчера. Эта нарядилась в откровенное платье, открывающее сливочную кожу длинных стройных ног и подчеркивающее отличную задницу. Проклятье. Когда она наконец повернулась, я обнаружил, что спереди вид тоже что надо. Ария низко опустила голову, потупив взгляд. Я видел, что она дрожала от страха и смущения. Ярость собственника поднялась у меня в груди. Это испугало меня. Она моя. Как могла ее мать позволить ей разгуливать в таком наряде? Совершенно уверен, что у Арии не было права голоса при выборе этого охуительно смешного платья. Я трахал девушек, которые одевались еще откровеннее, но это моя будущая жена, и ей всего пятнадцать. Родители должны ее защищать, а не обращаться с ней вот так. Ария наконец рискнула поднять голову и встретилась взглядом со мной. Блядь, она похоже реветь собралась. Если мне когда-нибудь представится такая возможность, я замочу Скудери и получу от этого ни с чем несравнимое удовольствие. Я поставил свой стакан, чтобы не зашвырнуть его в стену.

Ария нервно обвела глазами комнату. Остальные мужчины смотрели на нее с должным почтением, и только этот гребаный мудака Раффаэле раздевал ее своим похотливым взглядом. Если бы мы сейчас были в Нью-Йорке, я живьем содрал с него кожу. А может, я прямо сейчас ему помогу, если не прекратит пялиться.

Скудери, сделав вид, что не заметил непочтительности Раффаэле, подвел ко мне Арию. Он уставился на меня так, будто ожидал, что у меня сейчас слюна начнет капать от вида Арии. *Она прекрасна*, и через три года я бы по достоинству оценил ее наряд. Но в данный момент меня лишь разозлил тот факт, что Скудери пытался силой сделать из Арии какую-то секс-бомбу, в то время как ей самой это явно не нравилось.

– Это моя дочь, Ария, – произнёс Скудери с нетерпеливым взглядом немецкой овчарки, ждущей, когда хозяин бросит ей палку.

Фиоре самодовольно ухмыльнулся мне.

– Я не наобещал слишком многого, не так ли?

Да пошел ты.

– Ты был прав.

Младший брат Арии потихоньку подкрался к ней и сунул ладошку в ее руку. На мгновение я опустил взгляд вниз к ее ногам, но тут же снова посмотрел ей в лицо.

– Возможно, будущие жених и невеста хотят побыть наедине несколько минут? – проронил отец с тем видом, который я слишком хорошо знал. Он, вероятно, считал, что оказывает мне охрененную услугу. От меня не укрылась паника в выражении лица Арии и то, с какой мольбой она смотрела на своего отца, чтобы тот не разрешал такое.

Конечно, Скудери ничего против не имел. Наверное, он позволил бы мне облапать ее и у него на глазах, при условии, что я не украду ее невинность до свадьбы.

– Мне остаться? – спросил ее телохранитель.

В глазах Арии мелькнуло облегчение. Относительно того, какое впечатление произвожу, у меня иллюзий не было, но в этой комнате меня Арии стоило бояться меньше всего.

– Дай им несколько минут побыть наедине, – ответил Скудери, и Ария замерла.

Что, по ее мнению, я мог с ней сделать? Обесчестить на диване? Отец мне подмигнул. Очевидно, он считал, что я хочу потискать свою пятнадцатилетнюю невесту. Наверное, сам он именно так бы и сделал. Все начали покидать свои места, пока не остался только малень-

кий мальчик, который, защищая, уцепился за свою сестру. Мне стоило отдать должное этому малявке: он единственный из Синдиката, кто проявил хоть немного храбрости.

– Фабиано, выметайся оттуда *сейчас же!* – рявкнул Скудери, и мальчишка, отпустив Арию, послал мне уничтожающий взгляд, прежде чем выйти. Мне понравился это дерзкий сорванец.

Закрылась дверь, и мы с Арией остались одни. Прикусив губу, она смотрела на меня из-под полуопущенных длинных ресниц. Ей обязательно выглядеть такой чертовски испуганной? Я знал, каким представлялся в глазах окружающих, и для такой маленькой девочки как она, вероятно, казался зловещим гигантом, способным ее раздавить. Но правда в том, что у меня не было абсолютно никакого намерения обижать ее, а тем более грязно приставать, как бы аппетитно она ни выглядела. Уж растлителем малолетних я точно не был. Я никогда не брал женщину силой, а Ария вдобавок была девственницей. Моя невеста. *Моя. Под моей защитой.*

Чтобы отвлечь девочку, я спросил:

– Ты выбирала платье сама?

Она дернулась, широко распахнув глаза. Огромные голубые глаза, в них было столько невинности, что казалось, они способны смыть даже мои грехи. А эти золотистые волосы... Блядь, как же хотелось прикоснуться к ним, проверить, такие ли они шелковистые, какими кажутся.

– Нет. Его выбрал мой отец, – ответила она этим своим кротким, нарочито вежливым голосом.

Кто бы сомневался.

Я заметил, что ее потряхивает от холода и страха и решил прервать это нелепое свидание, пока Ария не потеряла сознание. Я потянулся за кольцом, которое купил для нее пару дней назад. Моя маленькая невеста вздрогнула, и настроение у меня испортилось еще больше. Я показал ей бархатную коробочку в надежде, что это успокоит ее, но она молча смотрела, не проявляя любопытства. Мне хотелось встряхнуть Арию, но это лишь доказало бы правоту ее страхов. Я сунул ей коробочку, и она наконец протянула за ней руку. Когда пальцы Арии коснулись моих, она ахнула, отдернув руку. Мне пришлось подавить раздражение не на нее, а на ее родителей, на Кавалларо и моего отца, втравившего нас в этот хаос. Она такая маленькая еще! Я мог только надеяться, что в течение следующих трех лет смогу завоевать у нее хоть немного доверия. Мне не нужна жена, которая будет дрожать при виде меня.

– Спасибо, – примерив кольцо, выдавила Ария.

Наши глаза встретились. Я протянул ей руку. Она с едва заметным колебанием приняла ее, и я сопроводил ее в гостиную к людям, предавшим ее.

Стоило мне отпустить ее руку, как Ария тут же бросилась к сестрам и матери, словно они могли защитить ее от того, что грядет.

Я подошел к мужчинам.

– Ну как? – спросил отец с самодовольным видом.

Не знаю, чего он ожидал. Пошлого рассказа о том, как я использовал время наедине с Арией?

Маттео покосился на меня.

– Ария приняла кольцо, – сказал я сухо.

У Скудери вытянулось лицо.

– Ну так и должно быть. Моя дочь воспитана очень послушной. Сами позже убедитесь.

– Лука заставит ее слушаться. Он может поставить на колени сильнейших из мужчин. А уж слабая женщина подчинится его воле и подавно, – с ехидцей заметил отец.

Как раз в это время подали ужин, что и спасло нас от ссоры. Жаль. Я бы с удовольствием развлекался.

Я сел рядом со Скудери, как того требовали традиции. Маттео посадили напротив, на его лице читалась скука. Скучающий Маттео – это бомба замедленного действия.

Фиоре Кавалларо поднял бокал. По его мутному взгляду я бы сказал, что ему уже хватит. Старый мудак! Я бы предпочел иметь дело с его сыном, этой холодной рыбой Данте. Но пока у руля его отец, мне придется общаться с этим старым маразматиком.

– За долгое и плодотворное сотрудничество!

Я поднял бокал, залпом выпил красное вино и посмотрел на Арию. Снова. Она сидела вместе с остальными женщинами на другом конце стола, уставившись на свое кольцо так, будто это что-то пугающее. Да, так и есть. Оно связало ее со мной. Пометило ее как мою. Ария подняла голову, и наши взгляды встретились. Она вспыхнула и поспешила отвернуться. Румянец пополз вверх по ее нежной шейке.

Маттео, ухмыляясь, пнул меня под столом.

– Уже испытываешь вожделение к своей маленькой невестушке?

– Жду не дождусь, – мрачно сказал я. – Это не значит, что мне нельзя продолжать развлекаться.

Но с этого дня она стала моей.

Пужинав, мы переместились в гостиную, выпить и выкурить по сигаре. Рокко Скудери и Фиоре Кавалларо были несносными хвастунами, и отец всеми силами старался их переплюнуть. Мне хотелось залить себе в уши горячий воск, чтобы не слушать их пустой треп. Надеюсь, Ария стоит того, потому что с каждой ебучей секундой, проведенной за одним столом с этими ублюдками из Синдиката перемирие все меньше привлекало.

Я приканчивал уже четвертый по счету стакан виски, когда из гостиной разошлись почти все, остались только мы с Маттео и Ромеро с Чезаре. Отец отправился в элитный бордель Синдиката к высококлассной проститутке, но я рисковать не собирался, помня о том инциденте со шлюхой, подосланной Братвой.

Я оперся о мраморную полку камина и позволил себе расслабиться. Веки потяжелели от напряжения, от того, что пришлось весь день быть начеку и не терять бдительности, пока мы не покинем Чикаго. Маттео развалился в кресле как у себя дома. Его улыбочка не предвещала ничего хорошего.

– Могло быть хуже, – изрек Маттео, улыбаясь еще шире. – Она могла оказаться уродиной. Но блядь, твоя маленькая невестушка – это мечта. Это платье. Это тело, волосы и лицо. – Маттео присвистнул.

Меня зло взяло. Мы с Маттео часто обсуждали баб словами и похлеще, но это совсем другое дело.

– Она – ребенок, – бросил я небрежно, скрывая раздражение. Маттео только повод дай как следует меня позлить.

– По мне, она не похожа на ребенка, – сказал он, поцокал языком и ткнул в бок Чезаре. – Что скажешь? Лука ослеп?

Чезаре повел плечами, бросив на меня осторожный взгляд.

– Я ее особо не рассматривал.

– А ты, Ромеро? У тебя со зрением все в порядке?

Ромеро поднял голову, но тут же снова уткнулся взглядом в свой стакан. Я сдержался, чтобы не улыбнуться.

Маттео.

– Блядь, Лука, ты сказал своим людям, что отрежешь им члены, если они посмотрят на эту девушку? Ты пока не женился на ней.

– Она моя, – тихо напомнил я, свирепо уставившись на Маттео. Мои люди меня уважали, но спорить с Маттео – дохлый номер. Не то, чтобы у меня были причины для беспокойства. Он никогда не положит глаз на мою женщину.

Маттео покачал головой.

– В течение следующих трех лет ты будешь в Нью-Йорке, а она здесь. Ты не всегда сможешь следить за ней, или ты собираешься выяснять отношения с каждым мужчиной в Синдикате? Ты не можешь отрезать всем им причиндалы. Возможно, у Скудери есть на примете несколько евнухов, которые могли бы за ней следить.

– Я сделаю все, что в моих силах, – ответил я, взбалтывая виски в стакане и задумавшись над словами Маттео. Мне не понравилось то, что я услышал. Не нравилась мне мысль о том, что я буду так далеко от Арии. Три года – долгий срок. Она красивая и ранимая, – опасное сочетание в нашем мире.

– Чезаре, найти тех двух идиотов, которые должны охранять Арию, – приказал я.

Чезаре вышел и десять минут спустя вернулся вместе с Умберто и Раффаэле. Скудери вошел вслед за ними, вид у него был разъяренный.

– Что это значит? – поинтересовался он.

– Я хочу поговорить с людьми, которых выбрали вы, чтобы защитить то, что принадлежит мне.

– Они хорошие солдаты, оба. Раффаэле – двоюродный брат Арии, а Умберто работает на меня почти двадцать лет.

Я проверю обоих.

– Я предпочитаю сам решать, могу ли им доверять. – Я подошел к Умберто. Он был почти на голову ниже меня. – Я слышал, что ты хорошо управляешься с ножом.

– Он лучший, – влез Скудери. Мне хотелось заставить его заткнуться раз и навсегда.

– Не так хорошо, как ваш брат, если верить слухам, – ответил Умберто, кивнув в сторону Маттео. Тот ответил ему акульей ухмылкой. – Но лучше, чем любой другой мужчина Синдиката, – признался Умберто.

Маттео, *без сомнения*, лучше всех владел ножом.

– Ты женат? – задал я следующий вопрос. Хотя брак никогда не останавливал мужчин от измен.

– Двадцать один год.

– Большой срок, – посочувствовал Маттео. – Ария, должно быть, кажется чертовски аппетитной по сравнению с твоей *старой* женой...

Я бросил на Маттео предостерегающий взгляд. Неужели нельзя хоть секунду подержать язык за зубами?

Умберто потянулся к кобуре на поясе. Я положил руку на пистолет, встретившись взглядом с Умберто. Он прочистил горло.

– Я знаю Арию с момента ее рождения. Она – *ребенок*. – В его голосе слышалась обида.

Если он думал, что таким образом вызовет во мне чувство вины, значит он еще глупее, чем я думал.

– Но скоро уже не будет им.

– Она всегда будет ребенком в моих глазах. И я верен своей жене, – добавил Умберто, свирепо зыркнув на Маттео. – Если ты еще раз оскорбишь мою жену, я попрошу у вашего отца разрешения бросить тебе вызов в бою на ножах, чтобы защитить ее честь, и тогда убью тебя.

Этот день для Маттео стал бы самым лучшим. Для него ничто не могло сравниться с кровопролитной дракой на ножах, вероятно, даже женщины не доставляли ему такого удовольствия.

– Можешь попробовать, – оскалился Маттео, – но ничего у тебя не выйдет.

Умберто угрозы не представлял. Ни для Маттео, ни для Арии. Я мог сказать, что он по-отечески защищал ее.

– Я думаю, что ты подходишь, Умберто.

Я повернулся к Раффаэле. Если бы мы находились в Нью-Йорке, я уже пустил бы пулю ему в лоб. Возможно, он считал, что никто не заметил, какие взгляды он бросал на Арию, когда думал, что на него не смотрят. Я подошел к нему вплотную, и ему пришлось задрать голову, чтобы посмотреть мне в глаза. Он пытался хорохориться, но меня не проведешь. Я чувствовал его страх. Отлично.

– Он член семьи. Ты действительно собираешься обвинить его в том, что он интересуется моей дочерью? – опять вклинился в разговор Скудери.

– Я видел, как ты смотрел на Арию, – сказал я Раффаэле. У него нервно забегали глазки.

– Как на сочный персик, который не прочь укусить, – с чересчур явным удовольствием поддакнул Маттео.

Раффаэле, как бесхребетное чмо, – впрочем, он такой и есть – попытался заискивающе заглянуть в глаза Скудери. Я знал таких, как он. Они утверждались за счет слабых, особенно за счет женщин, потому что только так могли почувствовать собственную власть.

– Не смей отрицать! Я узнаю похоть, когда вижу ее. И ты хочешь Арию, – прорычал я. Раффаэле отрицать и не пытался. – Если я узнаю, что ты снова смотришь на нее, если узнаю, что ты находишься с ней в комнате наедине... если узнаю, что ты коснулся ее руки, я убью тебя.

Раффаэле побагровел.

– Ты не член Синдиката. Никто тебе ничего не расскажет, даже если я ее изнасирую. Я мог бы откупорить ее вместо тебя. Может, даже сниму фильм для тебя.

Я вцепился в этого ублюдка и повалил его на пол. Прижав мордой в пол, уперся коленом ему в спину. Мне хотелось переломить пополам позвоночник и оторвать к черту его яйца. Чтобы он больше и думать не смел использовать в одном предложении слова «изнасилование» и «Ария».

Раффаэле вырывался, изрыгая проклятия. Он походил на назойливую муху – такой же бестолковый и мерзкий. Не достоин и пыли у меня под ногами. А чтобы он даже думать не смел касаться Арии... я вытащил нож и крепко прижал его запястье.

По хорошему он заслужил, чтобы ему отрезали яйца и член. Но здесь не моя территория. Поэтому я посмотрел на Скудери, ожидая разрешения.

Скудери кивнул, и больше не медля я рубанул ножом по мизинцу Раффаэле, отсекая плоть и кость и наслаждаясь его воплями.

Раздался женский крик, эхом отражаясь от стен.

Я отпустил Раффаэле и поднялся. Он громко всхлипывал и как ребенка баюкал свою покалеченную руку. Отвратительное зрелище. Ромеро с Чезаре схватились за оружие.

Скудери открыл потайную дверь, за которой оказались Ария и ее рыжеволосая сестра.

– Конечно, – прошипел Скудери. – Стоило догадаться, что тебе мало неприятностей.

Он выдернул рыжую из объятий Арии. Вытащив на середину гостиной, поднял руку и дал ей увесистую пощечину. Я крепче сжал рукоять ножа.

А потом этот мудака подошел к Арии и снова занес руку для удара. Внутри меня все обожгло вспышкой ярости. *Моя*.

Я остановил его руку, поймав ее за запястье. Пришлось собрать всю свою выдержку, чтобы не воткнуть окровавленный нож ему в живот, чтобы посмотреть, как эта свинья будет истекать кровью.

Краем глаза я заметил, что Умберто уже достал нож, а Скудери потянулся к кобуре. Маттео, Ромеро и Чезаре тоже встали с оружием наготове.

Мне ненавистно было говорить то, что я должен был сказать в этой ситуации.

– Я не собирался проявить неуважение, но Ария больше не в вашей зоне ответственности. Вы потеряли свое право наказывать ее, когда сделали моей невестой. Теперь она моя.

Скудери зыркнул на кольцо на пальце Арии, говорящее о том, что отныне она моя. Когда он кивнул, я отпустил его руку.

– Это правда. – Он отступил от меня и махнул в сторону Арии. – Тогда, может, ты окажешь честь и вобьешь в нее немного здравого смысла?

Я посмотрел на Арию. Она побледнела. С ужасом опустила взгляд на нож в моей испачканной кровью руке, а затем снова заглянула мне в глаза и застыла. Мне противна была сама мысль о том, чтобы поднять на нее руку. Что за мужик, который бьет женщину? Тем более такую как Ария? Нет, стоило мне лишь подумать об этом, как от бешенства глаза застилало красной пеленой. В ней веса раза в полтора меньше, чем во мне. Невинная, беззащитная.

– Она не слушается меня.

Скудери соорудил чертовски недовольную мину. Как будто мне не похуй.

– Ты прав. Но Ария будет жить под моей крышей до свадьбы, и поскольку честь запрещает мне поднимать руку на нее, придется найти способ, чтобы она подчинилась *мне*. – Он еще раз ударил сестру Арии, и мне опять захотелось остановить его, но я не имел права вмешиваться. – За каждую ошибку, Ария, твоя сестра будет принимать наказание вместо тебя.

Ария выглядела так, будто предпочла бы, чтобы наказали ее, а не сестру. Она слишком наивна и добра для человека вроде меня.

Скудери обратился к телохранителю:

– Умберто, отведи Джианну и Арию в их комнаты и проследи, чтобы они оставались там.

Умберто спрятал нож в чехол и увел девочек. На меня Ария больше не взглянула.

Раффаэле все еще продолжал подвывать, прижимая к себе руку и распустив нюни, как ебучий слизняк. Так ему и надо. Маттео протянул мне салфетку. Я попытался оттереть руки и нож. Понадобится вода с мылом, чтобы отмыться дочиستا.

– Надеюсь, ты оградишь Арию от мужского внимания, – холодно сказал я, не сводя со Скудери жесткого взгляда. – Чтобы духу его не было рядом с ней. Если услышу, что кто-то даже посмотрел на нее как-нибудь не так, ничто не помешает мне развязать такую кровавую бойню с Чикаго, что ты и представить себе не можешь. Я не делюсь тем, что принадлежит мне, а Ария моя. Только моя. С этого дня она под моей защитой.

Скудери поджал губы, понимая, что Фиоре придет в ярость, если перемирие закончится из-за того, что Скудери не смог обеспечить сохранность собственной дочери.

– Не волнуйся. Она под надежной защитой. Я уже говорил: она учится в католической школе и никогда не остается наедине с мужчинами.

Я встал на одно колено рядом с Раффаэле. Он отпрянул, в его глазах читался животный ужас. Наклонившись ближе, я прорычал:

– Это еще цветочки. Эта боль – хуйня по сравнению с той мукой, что ждет тебя, если еще раз приблизишься к Арии. Если ты хоть волос ее заденешь, – голос у меня дрожал от злости, – один чертов волосок, и я засуну тебе в задницу нож и буду долго трахать, пока ты не истечешь кровью. Усек?

Он судорожно закивал.

– Я хочу это услышать.

– Я ее не трону, – выдавил он, с таким выражением на лице, будто его вот-вот вырвет мне на ботинки.

Я поднялся и с отвращением отошел подальше от этого жалкого труса.

– Нам пора, – попытокнул я.

– Я провожу вас, – дребезжащим голосом сказал Скудери.

Мы с Ромеро, Чезаре и Маттео пошли вслед за ним. Прощаясь, никто не стал пожимать друг другу руки. Эти бесполезные расшаркивания оставим до свадьбы.

Вернувшись в отель, мы завалились в бар пропустить еще по стаканчику. Ромеро едва пригубил свой. Я задумчиво его рассматривал. Я знал его с детства. Они с Маттео почти ровесники, вместе ходили в школу. Он преданный солдат и надежный товарищ.

Заметив мой интерес к своей персоне, Ромеро нахмурился.

– Что-то случилось?

– Что ты думаешь об Арии?

Чезаре с Маттео тут же прекратили разговор. Ромеро напрягся, отставил в сторону свой стакан.

– Она станет твоей женой.

– Я не хочу, чтобы ты констатировал очевидное. Хочу услышать твое впечатление о ней.

– Она застенчивая и послушная. Воспитанная. Не думаю, что за эти три года доставит каких-то хлопот. – Он осторожно старался подбирать слова.

– Сейчас она миленькая. Через три года она станет сногшибательной красоткой. Мне нужен человек, который будет ее охранять. Кто-то, кому я могу доверять, кто не позарится на то, что ему не принадлежит.

Ромеро, широко распахнув глаза, уставился на меня, сообразив, наконец, к чему это я. Маттео и Чезаре тоже удивились.

– Лука, – тихо сказал Ромер. – Если ты выберешь меня телохранителем Арии, клянусь, она будет в безопасности. И я никогда не посмею даже думать о ней неподобающим образом.

Маттео фыркнул.

– А вот клясться не надо. Чую, будет очень непросто не думать об Арии неподобающим образом.

Я строго посмотрел на Ромеро.

– Ты знаешь, я тебе доверяю и ты мой лучший солдат, но то, что сегодня я пообещал Раффаэле, относится к *любому*, кто ее хоть пальцем тронет.

Я обвел взглядом всех троих парней, ухмыльнулся и поднял руку, подзывая бармена. Они намек поняли.

Глава 4

Около 3 лет спустя

Маттео ввалился ко мне в пентхаус и помахал газетой. Отставив чашку с кофе, я выгнул бровь.

– С каких это пор ты интересуешься прессой?

Конечно, нам нужно быть в курсе политических событий, особенно в сфере законодательства, но для этого есть интернет. Или Маттео думает, что газета придаст ему больше шарма, как какому-нибудь ебучему бруклинскому хипстеру?

С него станется таскать с собой газеты, только потому что это модно.

Его ухмылка только усилила мои подозрения.

– Сегодня утром, пока валялся в постели и листал новости в интернете, наткнулся на интереснейшую статью и решил, что мне нужно ее материальное доказательство.

– И что там?

Маттео подошел и положил газету на стол передо мной. Как только я увидел заголовок и фото, от удивления брови у меня поползли вверх.

Вот та женщина, что захомутала самого завидного холостяка Нью-Йорка!

Под заголовком была моя фотография, а рядом – Арии.

Я ненадолго завис. Я не видел Арию последние три года, со дня нашей помолвки. В этом необходимости не было. Я посылал ей подарки на Рождество, годовщину нашей помолвки, День Святого Валентина и ее дни рождения – последний на ее восемнадцатилетие, которое было вчера.

На снимке Ария была до боли прекрасна. Фото не постановочное, как будто папарацци ее случайно поймал, поэтому взгляд был отстраненным.

В сопровождении Умберто и еще одного телохранителя она шла по чикагской улице и несла в руках несколько пакетов с логотипами бутиков. На ней было зимнее короткое серое пальто, белый свитер оверсайз, умопомрачительно короткая клетчатая юбка и серые замшевые сапоги до колен, подчеркивающие ее стройные ноги. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам, и, боже правый, ее лицо... Не знаю, может, все дело в косметике, но оно казалось потрясающим.

– У тебя слюна капает. – Маттео наклонился у меня над плечом, заглянув мне в лицо. – Я метнул на него уничтожающий взгляд. – У него тоже. – И он ткнул пальцем в мужика на фото, который едва не свернул себе шею, глядя вслед Арии. Мне страшно захотелось выяснить, что это за хрен, найти и убить его, просто так, ради собственного успокоения. Но что-то подсказывало, что если наказывать каждого, кто заглядывается на мою невесту, то прольется море крови.

– Смею сказать, меня немного задело, что они не меня посчитали самым завидным холостяком Нью-Йорка. То есть, ты только посмотри на меня. – Маттео отошел подальше, чтобы я имел возможность полюбоваться им и его прикидом. На нем были чертовы байкерские ботинки, косуха и рваные джинсы!

– Тебе больше не надо беспокоиться. Тут написано, что меня теперь вычеркнули из списка, – сухо ответил я.

– Ты знал, что эта новость просочится в прессу?

Я покачал головой. Отец не говорил, когда именно выйдет заметка. Я пробежался глазами по статье, чтобы посмотреть, что они написали про Арию.

«Многочисленные страсти Луки Витиелло наверняка прольют немало слез, когда узнают, что наследник огромного состояния – по приблизительным оценкам в 600 миллионов долларов – больше не свободен».

– В своей статье они тебя даже наследства лишили, – сообщил я братцу. Состояние отца мы с ним унаследуем вместе, и оно оценивается в 700 миллионов долларов, но какая прессе разница – ста миллионами больше или меньше? Они как всегда не утруждали себя проверкой фактов.

«Его будущая жена Ария Скудери, как и следовало ожидать, американка итальянского происхождения, старшая дочь Рокко Скудери, владельца сети ресторанов».

Я чуть не поперхнулся. Рокко, конечно, приложил руку к нескольким ресторанам, но это не основное его занятие.

«Ходили слухи о его связях с преступным миром Чикаго, но они никак не подтвердились. То же самое можно сказать и о Витиелло. Хотелось бы узнать, как возник этот союз. Сальваторе Витиелло и Рокко Скудери от комментариев воздержались. Остается только гадать, как удалось Арии Скудери убедить наследника Витиелло отказаться от холостяцкого образа жизни».

Я свернул газету. Что за чушь!

Мобильный зазвонил, на экране появилось имя Грейс. Она прекрасно знала, что звонить мне можно только в крайнем случае. Встречи назначал я, и только я.

– Это звонок ярости, – хохотнул Маттео.

Я принял звонок, но не успел и слова сказать, как Грейс пронзительно завопила мне в ухо:

– Когда ты собирался мне сказать? – злым плаксивым голосом поинтересовалась она.

Маттео усмехнулся и допил мой кофе.

– Сказать тебе о чем?

– О том, что ты женишься, вот о чем!

– Это тебя не касается.

– Что?! – Она взвизгнула. – Мы уже три года трахаемся. Полагаю, я заслуживаю...

– Ни хрена ты не заслуживаешь, Грейс! Все так, как ты сказала. Мы *трахались*, да к тому же не только друг с другом, если мне не изменяет память.

Она замолчала.

– Если бы ты захотел, я была бы только твоей.

– Но я не захотел. Мне похуй, с кем ты трахаешься.

Маттео втихомолку посмеивался, вызывая во мне дикое желание запустить телефоном в его смазливую мордашку.

– Неужели ты думаешь, что после твоей женитьбы я просто позволю тебе как ни в чем не бывало и дальше меня использовать?

– Во-первых, я еще не женился. Во-вторых, раньше ты не была так щепетильна и спала с женатыми мужиками. И в-третьих, ничего в тебе нет особенного, так что насрать, продолжим мы с тобой трахаться или нет.

– Лука, – еще жалобнее заныла она. – Ты же это не всерьез. Может, позже встретимся и развлечемся?

Я сбросил звонок. У этой женщины совсем нет гордости.

– Ваша с Грейс драма в очередной раз скрасила мой досуг, – оскалился Маттео.

– Давай сходим в додзё. У меня чешутся кулаки стереть улыбку с твоего холеного личика.

Маттео хлопнул в ладоши.

– Превосходно.

Покачивая головой, я зашел в лифт вслед за ним. Мне необходимо было как следует подраться, и дело не только в Грейс. В первую очередь я хотел выпустить пар и справиться с вождением, которое мучило меня с тех пор, как увидел Арию.

Мне придется ждать еще целых шесть месяцев до того, как смогу прикоснуться к ее телу. Шесть бесконечно долгих чертовых месяцев.

Шесть месяцев спустя

– Лука, ты нервничаешь? – ухмыльнулся Маттео.

– Нет. Я никогда не нервничаю.

– Но ты не видел Арию три года. Что, если вживую она выглядит далеко не так горячо? Фотографию можно отфотошопить. И тогда ты увязнешь и всю оставшуюся жизнь будешь вынужден трахать уродливую телку.

Маттео был в своем репертуаре: получал удовольствие от того, что бесил меня.

– Ты несешь чушь.

Она была красавицей еще три года тому назад. Мне остается только догадываться, насколько сейчас она стала красивее. Фото в газете стали для меня самой мучительной пыткой, какую только можно представить. Пока Ария была несовершеннолетней, мне удавалось не думать о том, каково это – трахнуть ее. Но вот уже несколько месяцев подряд от каждого взгляда на ее фотографию в моих штанах становится тесно.

Мы подошли к двери гостиничных апартаментов, где остановилась Ария. Я огляделся в поисках телохранителя, который должен был не спускать с нее глаз. Никого.

– Стоило еще тогда отправить тебя охранять Арию, – прежде чем постучать, пробормотал я, обращаясь к Ромеро.

Мы услышали легкие шаги, и дверь распахнула девочка со светло-русыми волосами в рокерском прикиде. Она явно хотела впечатлить меня тощими бедрами и только начавшей формироваться грудью. Ее имя я никак не мог вспомнить. Кажется, она самая младшая сестра Арии.

– Привет, Лука, – пропищала она, кокетливо улыбаясь.

Мне пришлось подавить улыбку. Неужели она действительно думает, что я не вижу, какая она малявка? И тут я вспомнил.

– Ты – Лилиана, маленькая сестра.

– Я не маленькая.

– Да, маленькая, – раздался знакомый нежный голосок. – Ступай к Жианне.

И вот она здесь. Проклятье! Три года назад она лишь подразнила обещанием красоты, но сегодня выглядела как ожившая гребаная влажная мечта. Копна длинных светлых волос, безупречно гладкая кожа, бесконечные стройные ножки и упругие сиськи. Мне не терпелось увидеть каждый дюйм ее чертовски прекрасного тела.

– Не знала, что мы встретимся в моем номере, – сказала с ноткой недовольства в голосе. Какой теплый прием!

– Ты не пригласишь меня войти?

Она отступила в сторону. Я дал знак Чезаре остаться снаружи, и мы зашли в номер. Маттео сходу направился к рыжей. Вечно его тянуло на приключения. А мой взгляд вновь притянуло чертовски горячее тело Арии. Еще несколько дней, и она будет моей. Не могу дождаться.

– Ты не должен быть здесь наедине с нами. Это неуместно, – проворчала Жианна.

Вот это верно сказано. Именно поэтому у них перед дверью должен находиться охранник.

– Где Умберто? Разве он не должен охранять эту дверь?

Ария пожала плечами.

– Он, наверное, вышел в туалет или покурить.

– Как часто он оставляет вас без защиты?

– О, все время, – усмехнулась Жианна. – Видите ли, Лили, Ария и я смываемся от него каждые выходные, так как постоянно спорим на то, кто привлечет больше парней.

Маттео оскалился, переглянувшись со мной. Я не мог понять, чему он так омерзительно радуется. Если бы мне пришлось провести с этой рыжей болтливой бестией чуть больше времени, у меня бы ум за разум зашел.

– Я хочу поговорить с тобой, Ария, – сказал я.

Конечно же, Джианна опять влезла, куда не просят.

– Я пошутила, ради Бога!

Девчонка попыталась встать между мной и Арией. К счастью, Маттео смог ее оттащить. Я очень надеялся, что вспышка восхищения в его глазах быстро потухнет.

– Отпусти меня, или я сломаю тебе пальцы, – прорычала Джианна.

Маттео поднял руки, широко улыбнувшись. Даже самый терпеливый святой не вынес бы этой парочки!

– Пойдем. – Я повернулся к Арии и легонько подтолкнул в поясницу. Она судорожно сглотнула и напряглась. Неужели она до сих пор меня боится? – Где твоя спальня?

Да, так и есть. Обычно я видел такое выражение на лицах своих врагов после того, как они попадали мне в руки.

Ария кивнула на дверь справа и я подтолкнул ее в этом направлении, стараясь не обращать внимания на то, как она задрожала от моего прикосновения. Меня это уже начинало все-речь бесить.

Конечно, последнее слово осталось за болтливой бестией.

– Я позову нашего отца! Ты не можешь сделать этого!

Как будто Скудери будет волноваться по этому поводу. Мы вошли в спальню, я захлопнул дверь за спиной Арии. Она смотрела на меня округлившимися, полными страха глазами.

– Джианна пошутила. Я даже ни с кем не целовалась, клянусь. – Сказав это, она восхитительно зарделась.

Так она из-за этого испугалась? Надо признать, хоть я и так это знал, собственнику внутри меня было приятно это слышать.

– Я знаю.

Ее чертовски манящие губы удивленно приоткрылись. Проклятье! Мне захотелось прижать ее к двери и поцеловать.

– Оу. Тогда почему ты сердишься?

– Я кажусь тебе сердитым?

Она вся была как открытая книга. Это должно будет облегчить мне жизнь.

– Ты не очень хорошо меня знаешь.

Она бросила на меня сердитый взгляд.

– Это не моя вина.

Это стало первым ощутимым вызовом от нее, и я был чертовски ему рад, потому что правда не смог бы жить с запуганной женой. Парень я не самый чуткий и очень быстро потерял бы терпение, если бы мне пришлось ходить вокруг Арии на цыпочках, будто она хрустальная.

Я подцепил ее подбородок большим и указательным пальцами. Она замерла, и вызов в глазах сменился беспокойством.

– Ты как пугливая лань в лапах волка. Я не причиню тебе вреда. – Я сделаю с ней много чего другого, но все это ей понравится.

Она сжала губы, явно мне не доверяя. Ария стала такой красавицей, и ее кожа под кончиками моих пальцев ощущалась как бархат. Неужели каждый дюйм ее тела будет таким же нежным? Я наклонился к ней для поцелуя, чтобы посмотреть, разрешит ли она мне. Женщины почти никогда мне не отказывали, но Ария не похожа на других.

Она распахнула глаза.

– Что ты делаешь?

Боже, ей обязательно вести себя так, будто я отморозок, который поймал ее в темном переулке?!

– Я не собираюсь брать тебя, если ты об этом беспокоишься. Я могу подождать еще несколько дней. В конце концов, я ждал уже три года.

На ее прекрасном личике вспыхнула ярость, и мне до чертиков понравилось это зрелище.

– В последний раз ты считал меня ребенком.

Она это помнит? Я пробежал взглядом по ее шикарному телу и ухмыльнулся.

– Но ты больше не ребенок.

Блядь! Я хотел ее больше чем, любую другую женщину, но ее испуганно заблестевшие глаза останавливали меня. Я наклонился ближе.

– Ты все усложняешь. Я не смогу тебя поцеловать, если будешь так на меня смотреть.

– Тогда, может быть, я подарю тебе такой взгляд в нашу брачную ночь, – с невинным видом сказала эта маленькая стерва. В эту игру могут сыграть двое.

– Тогда, возможно, я возьму тебя сзади, чтобы не видеть его.

Это была шутка, хотя слишком сладко было представлять ее идеальную задницу. Побледнев, Ария отшатнулась от меня, наткнувшись на чертову стену. Да что за хуйня! Неужели она действительно думала, что в нашу первую брачную ночь я брошу ее на кровать и возьму сзади? Не то, чтобы у меня не было в планах поставить ее на четвереньки, пока я буду в нее вдальблываться, но с этим придется повременить. Судя по страху на ее лице, она правда верила, что я лишу ее девственности как животное.

Подавив раздражение, я сказал как можно спокойнее:

– Расслабься. Я пошутил. Я не монстр.

– Да неужели?

Какого хрена? Я пришел сюда не для того, чтобы меня оскорбляли. Если она хочет видеть во мне монстра, я с радостью продемонстрирую его. Я сердито посмотрел на нее.

– Я хотел обсудить с тобой вопрос твоей безопасности. Как только после свадьбы ты переедешь в мой пентхаус, Чезаре и Ромеро будут нести за тебя ответственность. Но я хочу, чтобы с этого момента Ромеро находился рядом с тобой.

– У меня есть Умберто, – нахмурившись, ответила она.

Ну да, конечно. Вот почему я смог зайти в их номер, и никто не попытался меня остановить?

– На мой взгляд, он слишком часто отлучается в туалет. Ромеро не оставит тебя.

– Он будет смотреть на меня, даже когда я в душе?

Ни за что на свете!

– Если я захочу.

Вызов вернулся с новой силой.

– Ты позволишь другому мужчине увидеть меня голой? Ты, должно быть, действительно доверяешь Ромеро, раз полагаешь, что он не воспользуется ситуацией.

Она приподнялась на цыпочки, пытаясь казаться выше, но все равно ее макушка едва доставала мне до плеча.

– Ромеро верен мне, – отозвался я и наклонился, пока наши глаза не оказались на одном уровне. – Не волнуйся, я буду единственным мужчиной, который когда-либо увидит тебя голой. Не могу дождаться.

Я окинул ее жадным раздевающим взглядом и, конечно, она сжалась, скрестила руки на груди, и вид у нее стал такой, будто вот-вот заревет. Что делать с плачущими женщинами, я понятия не имею.

– Что насчет Лили? – тихо спросила Ария. Если она не перестанет казаться такой до боли уязвимой, мне захочется ее утешить. Охуительное чувство, потому что утешать я не умею. – Она и Джианна делят со мной этот номер. Ты видел, что творит Лили. Она будет флиртовать

с Ромеро. Она сделает все, чтобы достать его. Она не понимает, во что может вляпаться. Мне нужно быть уверенной, что она в безопасности.

– Ромеро не тронет твою сестру. Лилиана играет с огнем, но она маленькая девочка. Ромеро предпочитает женщин зрелых и опытных, – сказал я как можно убедительнее.

Ромеро я доверял. К своей работе он относился серьезно, и как бы ни флиртowała младшая сестра Арии, все же она еще совсем ребенок. Я знал, что в мафии есть мужчины, которые не постеснялись бы воспользоваться девочкой такого возраста, есть те, кто только таких и предпочитает, но таким кускам дерьма нет места в моем окружении.

Ария устала на кровать, и я невольно задался вопросом, какие мысли бродят в ее хорошенькой головке. Пока мой собственный грязный мозг не начал подкидывать идеи того, что я мог бы сделать с Арией на этой самой кровати, я выпалил:

– И да, кое-что еще. Ты принимаешь таблетки?

– Конечно нет. – Было почти мило то, как она обиделась на мой вопрос, если бы слово «мило» существовало в моем словаре.

– Твоя мать могла бы позаботиться о том, чтобы ты начала принимать их еще при подготовке к свадьбе.

Я точно не собирался использовать чертов презерватив со своей женой. Я хотел насладиться сексом с Арией без всяких преград между нами. Тем более, что я буду ее единственным мужчиной и прежде без презерватива не трахался ни с одной из своих женщин.

– Моя мать никогда бы такого не сделала. – Ее нижняя губа задрожала. – Она даже не говорит со мной об этом.

Мне льстило, что Ария будет только моей, но такой уровень неопытности меня обескураживал. Лишь отчасти в шутку я спросил:

– Но ты знаешь, что происходит между мужчиной и женщиной в первую брачную ночь? – Если мне придется еще и о сексе ей рассказывать, тогда мне просто необходимо будет кого-нибудь трахнуть, или я сойду с ума от спермотоксикоза.

– Я знаю, что происходит между нормальными парами. В нашем случае, думаю, самое подходящее слово – изнасилование.

Меня захлестнуло дикой яростью. Захотелось наброситься на кого-нибудь или что-нибудь разнести. За много лет я научился держать себя в руках, но все равно пришлось взять паузу прежде, чем появилась уверенность, что я не сорвусь на нее.

– Я хочу, чтобы ты начала принимать таблетки. – Я протянул ей пакет, который дал мне Док.

– Разве для этого сперва не нужно сходить к врачу?

– У нас есть доктор, который работает на Семью много лет. Это от него. Тебе нужно начать принимать таблетки немедленно. Потребуется сорок восемь часов, чтобы они начали работать.

– А что, если я не хочу? – возразила она.

В крови еще бурлил гнев, но когда его не было?

– Тогда я использую презерватив. В любом случае, в нашу брачную ночь ты станешь моей.

Я открыл дверь. Ария нетвердой походкой вышла в гостиную. Мне не хотелось пугать ее, но пусть привыкает. Я не добрый монстр.

Глава 5

На скамейке в первом ряду расположился отец. Весь его облик выражал крайнюю степень самодовольства, как будто эта свадьба – его личный окончательный триумф. У меня были большие сомнения относительно того, что свадьба с Арией установит бессрочное перемирие с Синдикатом. Эйфория от союза может продлиться несколько лет, но не более того.

Струнный квартет и фортепиано начали играть, возвещая о появлении Арии.

– Нервничаешь? – наклонившись, прошептал мне на ухо Маттео. – Последние твои минуты в статусе свободного мужчины.

Я закрыл глаза. Меня брак не особо ограничит, в отличие от Арии. А что касается свободы – по большому счету у меня ее никогда и не было. С самого рождения я принадлежу Семье, и ничто не изменит это до самой моей смерти. Семья – единственное, что имеет для меня значение.

Маттео тихонько присвистнул, и я проследил за его взглядом.

В конце прохода стояла Ария, в белом с золотом. Я жадно пожирал взглядом каждый дюйм ее тела, кроме лица, прикрытого вуалью.

Всего на мгновение у меня кольнуло что-то внутри, но я быстро взял себя в руки.

Скудери провел Арию по проходу и поднял вуаль. На короткий миг, прежде чем она отвела глаза, я заметил в них дикий страх. Проклятье! Будь они все прокляты, за то, что силой выдали ее за меня. Но больше всего я проклиная себя за то, что теперь уже ничто в мире не помешает мне сделать ее своей и оставить себе навсегда.

Я протянул руку, и Скудери вручил мне свою дочь с самодовольной ухмылкой, очень напоминающей ту, что играла на губах моего отца. Ария на меня не смотрела. Она всеми силами пыталась сохранить присутствие духа. Я чувствовал, как ее потряхивает, пока удерживал ее ледяную руку в своей ладони.

Я понятия не имел, что она себе напредставляла.

Священник в белой рясе поприветствовал нас и гостей и начал читать вступительную молитву. По традиции нас должна благословить церковь, но я не верил в Бога. Если бы он в самом деле существовал, вряд ли мы стояли бы сейчас здесь.

– Лука и Ария, – обратился к нам священник. – Является ли ваше желание вступить в законный брак искренним и добровольным? Клянетесь ли вы любить друг друга как муж и жена, пока смерть не разлучит вас?

Любить. Как будто этот брак заключается по любви. Я никого не любил и не полюблю. Любовь – это слабость. Ария чуть сжала пальцы, и я задался вопросом – что, если она глупо верит и надеется на что-то такое? Я буду относиться к ней с уважением, наверное, смогу вытерпеть ее как супругу, но полюбить ее? Мне стало смешно, но я постарался не подать виду. Моя единственная любовь – Семья.

– Да, – произнёс я то, чего все ждали от меня.

«Да» Арии тоже прозвучало твердо. Священник удовлетворенно кивнул.

– Поскольку вы намерены заключить брак, соедините свои руки и заявите о своем согласии перед Богом и Церковью.

Я взял ее за обе руки и повернулся к ней лицом. Впервые после того, как подняла вуаль, Ария посмотрела на меня. Ее лицо было бесстрастным, но глаза не могли скрыть эмоций. В них был страх. Отчаяние. Бездна.

Внутри вспыхнула ярость.

– Я, Лука Витиелло, беру тебя, Ария Скудери, в жены. Клянусь любить тебя в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас.

Надевая ей кольцо на палец, я старался не обращать внимания на то, как она дрожит.

– Ария, прими это кольцо в знак моей любви и верности. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Отныне она стала моей.

Настала очередь Арии надеть кольцо мне на палец, но у нее так сильно дрожали руки, что мне пришлось ей помочь. Необязательно всем знать, что она до ужаса меня боится. Заметил только Маттео этим его ебучим ястребиным взглядом и ухмыльнулся мне.

– Вы можете поцеловать невесту, – сказал священник.

Ария подняла голову. Она еще сильнее оцепенела, в глазах плескались тревога и смущение. Блядь! Я сжал ее ладони. Зачем – и сам не понял.

Делить этот момент со всей этой шоблой – хуже не придумаешь. Я целовался с кучей женщин, перетрахал их еще больше, но этот первый вкус моей жены... Такой момент я хотел бы смаковать только наедине с ней. Я знал, что и Арии куда комфортнее было бы в более уединенном месте – ну еще бы, ведь этот поцелуй для нее первый.

Ее самый первый чертов поцелуй.

Наклонившись, я коснулся ее губ своими. Почти невесомо. Скорее дыханием, чем прикосновением. И говорить не о чем, но мое тело отозвалось. Ария отныне моя.

Румянец залил ее щеки, и мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы тут же не перекинуть ее через плечо и не отнести в нашу комнату. Я не мог дожидаться того момента, когда подомну под себя ее обнаженное тело и войду в ее благословенное влажное тепло. Как будто прочитав мои мысли, Ария содрогнулась, и возбуждение схлынуло, как и не было.

Что, если сегодня ночью она так же будет реагировать на мои прикосновения? Блядь, только не это! Я даже думать о таком не хотел.

Я взял ее за руку и повел к выходу. Мужчины кивали и аплодировали мне. К нам тут же подбежал официант, ловко неся на одной руке поднос с бокалами, доверху наполненными шампанским. Я взял один для себя, второй сунул в руку Арии.

Она обхватила стеклянную ножку тонкими пальцами, но ничего не сказала и даже не посмотрела в мою сторону. Вскоре к нам потянулась с поздравлениями длинная вереница гостей.

Это была сложившаяся традиция, уклониться от которой невозможно, как бы мне ни хотелось промотать вперед время до нашей с женой брачной ночи.

Ария со сжатыми в тонкую линию губами на бледном лице казалась отстраненной.

Склонив голову набок, я сказал:

– Улыбайся. Помнишь, ты счастливая невеста?

Как будто щелкнули выключателем, на лице Арии возникла маска – счастливая, но совершенно фальшивая. Я глотнул шампанского, сдерживая разочарование из-за того, что она так явно несчастна. Этот брак – не моя идея. Будь моя воля – я бы вообще не женился. Я посвятил свою жизнь Семье, и женщине места в ней нет.

Первыми к нам подошли мой отец с Ниной. Она как всегда держалась на шаг позади него.

Отец положил руку на мое плечо. Он единственный из присутствующих на торжестве был со мной одного роста, и наши взгляды встретились. У нас одинаковые серые глаза и темные волосы. Но на этом сходство заканчивается, если не принимать в расчет нашу склонность к жестокости.

– Лука, мой первенец, – звучно провозгласил он, привлекая к нам внимание гостей. – Сегодня для тебя и для Семьи особенный день.

Я натянуто улыбнулся ему. Он наклонился так, чтобы слышал только я и тихо сказал:

– Сегодня тебе можно только позавидовать. Нет ничего лучше, чем смотреть в глаза женщине, когда она понимает, что ты можешь сделать с ней все, что захочешь. Разрушить тщетные надежды и сломить ее дух и тело. К тому же, у твоей жены такие выразительные глаза! Представляю, как приятно будет увидеть в них ужас.

Что-то темное и жестокое заворочалось у меня в груди, но относилось это не к незащищенной женщине подле меня. Чтобы не выдать себя, я молча улыбнулся отцу еще раз. Отстранившись от меня, отец подошел с поздравлениями к Арии. Он наклонился поцеловать ей руку, а я напряженно замер. Меня отвлекла Нина. Она придвинулась, собираясь поцеловать меня в щеку, и заговорщически прошептала:

– Ох, Лука, эта девочка такая юная и хрупкая. Не обижай ее хотя бы в брачную ночь. Для этого впереди у тебя еще много ночей. Успеешь получить удовольствие.

Кому, как не ей, это знать. Мой отец получал удовольствие, почти каждый день поднимая на нее руку. Я мог бы люто возненавидеть Нину за ее ехидство, но понимал, что это единственная броня, которой она защищается. Наконец, отец и мачеха попрощались, освобождая место для следующих гостей.

По традиции, настала очередь семьи Арии. Пожимая мне руку и обнимая Арию, Скудери выглядел так, будто получал Нобелевскую премию. Затем подошла Людевика, ее мать. Едва взглянув на меня, она покорно потупила взгляд. Так вот в кого Ария. На мгновение показалось, что Людевика хочет что-то сказать. Она с беспокойством смотрела то на меня, то на Арию. Но, тяжело сглотнув, справилась с эмоциями. Подойдя поближе, неожиданно для меня, взяла меня за руки и сказала:

– Ария – послушная девочка. Она не даст тебе повода жестоко ее наказывать, – и добавила едва слышно: – она сделает все, что ты захочешь...

– Людевика, другие гости ждут своей очереди, – резко окликнул ее Скудери, и его жена тут же отпрянула. На прощание бросив на меня умоляющий взгляд, она поплелась за мужем. Не надо быть экстрасенсом, чтобы понять, что подразумевалось под ее словами. Она умоляла меня не слишком жестоко обращаться этой ночью с ее дочерью. Потому что от таких, как я, милосердия не ждут. Я не стал давать ей никаких обещаний. С этого момента Ария не ее забота. Она моя. Отец, покровительственно стоя в стороне, зорко следил за каждым моим движением.

Он не должен увидеть во мне ни тени слабости. Ни сегодня, ни когда-либо еще.

Следом подошел Данте Кавалларо с родителями. Меня удивило, что первым шел Данте. Явный намек на то, что в скором времени он встанет во главе Синдиката, потеснив своего отца с поста Дона.

В нарушение всех протоколов вместо того, чтобы сначала поприветствовать меня, он с непонимаемым выражением лица поцеловал руку Арии. Я, прищурившись, наблюдал за ним. Когда он, наконец, подошел ко мне, и мы скрестили наши взгляды, в его глазах я увидел ту же настороженность, какую чувствовал сам. Этот брак должен был обеспечить перемирие, но ни Данте, ни я в его хрупкое равновесие не верили.

– Прими мои поздравления в день свадьбы, – ровно произнёс он.

– Позволь поблагодарить за то, что отдали за меня самую красивую девушку Синдиката. Учитывая, что тебе тоже нужна жена.

На мгновение во взгляде Данте я увидел что-то мрачное, и это не единственная эмоция, которую вызвали мои слова. Прежде чем забрало опустилось, лицо Данте исказилось от боли и скорби. Данте тосковал по своей умершей жене, что стало сюрпризом для меня. Я сделал себе мысленную пометку на будущее. Мой отец после смерти матери не стал откладывать женитьбу на Нине. Для него женщины были взаимозаменяемыми объектами, нужными исключительно для его удовольствия.

– Когда речь заходит о будущей жене, мой сын предъявляет специфические требования, – вмешался возникший рядом с сыном Фиоре.

Я предпочел промолчать. Данте и без того смотрел так, будто хотел убивать, и хотя я тоже с удовольствием поубивал бы не только его, но и многих мудаков, собравшихся в этом зале. Миссис Кавалларо смущенно ждала своей очереди после сына и мужа. Она молчала, может, Фиоре запретил ей говорить.

Я искоса взглянул на Арию. Она стояла, сцепив руки перед собой. Лицо выражало вежливый интерес и фальшивую радость, но я видел, что под этой маской эмоции были совсем другие. Как скоро она превратится в кого-то вроде своей матери, Нины или миссис Кавалларо? Сломаю ли я ее?

Она не смотрела в мою сторону, но уверен, что взгляд мой заметила.

После того, как ее кузина Бибиана поговорила с Арией, а я выслушал ее старого толстяка мужа, настроение моей жены изменилось. В чем причина, я так и не понял, но Ария отважилась посмотреть на меня. Разговаривая с одним из своих капитанов, я повернул голову и встретился с ней взглядом. В ее глазах вместе с интересом теплилась надежда. Последнее в нашем мире смертельно опасно, гораздо хуже первого.

Внезапно мое внимание привлекло ярко-красное платье и лакированные туфли на высоком каблуке. Приглядевшись к ожидавшим своей очереди желающим поздравить, я едва не выругался вслух.

Сенатор Паркер с семьей. Я едва обратил на человека, чьи кампании мы спонсируем, и на его амбициозного сына, который тоже получал жалованье в нашей кассе, потому что за ними маячила та, кого я меньше всего желал видеть на своей свадьбе: Грейс.

Что-то подсказывало мне, что это ебучее платье зашили прямо на ней. Мы пожали руки с ее отцом и братом, а затем и она подошла, собственной персоной. Грейс едва ли обратила внимание на предупреждающий взгляд, который бросил на нее сенатор Паркер. Впрочем, разумные советы она никогда не слушала.

– Поздравляю, Лука! – прошептала она, в то время как взглядом она практически совкуплялась со мной. Если она не перестанет себя так вести, мне придется ее вышвырнуть.

– Грейс, – ровно ответил я.

Она подошла очень близко, ближе, чем диктуют правила приличия, и если бы не мое нежелание устраивать сцену, я бы оттолкнул ее от себя.

– Лука, я так жажду твой член. Так хочу чувствовать вкус твоей спермы у себя во рту, – мурлыкнула она мне в ухо. – Сегодня ночью, трахая свою унылую крошку жену, ты будешь вспоминать меня. Она и вполтину не будет так хороша в постели, как я.

Ни один мускул не дрогнул на моем лице, даже если кровь в венах бурлила от ярости. Чего она добивается? Неужели в самом деле верит, что я буду думать о ней в постели с Арией?

Ария прекрасна. Чиста. Она моя жена.

Грейс – пустышка.

Конечно, Ария не поразит меня своими умениями. Я буду у нее первым и всему научу. Блядь, скорее бы!

Грейс крепко обняла Арию, а когда отпустила, вид у Арии был такой, словно ее вот-вот стошнит. Что за хуйню ей наговорила Грейс? Она была той еще подлой тварью.

Я потянулся к руке Арии, но ее так явно передернуло, что у меня закрались подозрения, а не рассказала ли ей Грейс о наших самых жестких кувырканиях. Можно подумать, я буду обращаться с Арией так же, как с Грейс. Эту шлюху нельзя было приглашать на свадьбу. Отец наверняка сделал это специально, приколоться надо мной.

Когда эта пытка закончилась и нас наконец пригласили за стол, я чуть не застонал от облегчения. Очень хотелось узнать, что творится у Арии в голове. Я держал ее за руку, но она даже не смотрела в мою сторону, явно желая сделать вид, что меня нет.

– Ты не можешь игнорировать меня вечно, Ария. Теперь мы женаты.

«Горько, горько!» – раздались крики из толпы, не успели мы сесть. Ария так и застыла статуей рядом со мной. Сдержав раздражение, я притянул ее к себе и снова поцеловал. Мне хотелось углубить поцелуй, завладеть ее сладким ртом, но я понимал, что на глазах стольких людей ей было бы неловко от такого интимного поцелуя. Ее смущал даже такой невинный, что уж говорить об остальном.

Едва мы сели за стол, как рыжая бестия тут же нарисовалась на месте рядом с Арией. Мне оставалось лишь надеяться, что она не устроит концерт. С другой стороны, может, это отвлечет от того номера, что, без сомнения, приготовил Маттео.

Брат сделал внушительный глоток вина и наклонился ко мне.

– Всю церемонию в церкви я только и думал о том, как бы воткнуть нож в мудаков из Синдиката. Кровавая свадьба была бы гораздо увлекательней этого цирка. И я сейчас говорю не о нашей чертовой традиции кровавых простыней. Ну хоть ты сможешь пролить немного крови сегодня ночью. – Маттео рассмеялся, и меня передернуло. До этого я несколько раз бывал на демонстрации простыней. Мы с Маттео не упускали случая поржать над этой традицией. Я посмотрел на Арию, она прислушивалась к тому, что шептала ей на ухо сестра. Теперь Ария моя жена. Я должен ее защищать. Мне не нравилась мысль о том, что простыни с ее кровью придется вывешивать на всеобщее обозрение. Это уж точно смутит ее до чертиков.

– Лука, что у тебя с лицом? Беспокоишься, что не будет крови?

– Надеюсь, ты не намекаешь на то, что Ария не девственница? – Я посмотрел на него с прищуром.

– Да брось, – фыркнул Маттео. – Это же очевидно, что она никогда не была близка с мужчиной, судя по тому, как ведет себя со всеми, и с тобой в том числе. – Он улыбнулся и добавил: – Но возможно, у тебя не получится довести дело до конца.

Я бросил на него недоверчивый взгляд.

– Серьезно? Ты думаешь, кто-то или что-то может помешать мне сегодня лишиться девственности собственную жену?

– Не-а, – ухмыльнулся Маттео. – В этом зале ни один человек не сможет остановить тебя, а возможно, им с тобой не справиться, даже если все вместе соберутся. Но у нее есть шанс. – Он кивнул на бледную Арию, которая как будто вся сжалась, держась за руки с сестрой.

– Ды ты совсем рехнулся, Маттео? Кому как не тебе знать? Я ее трахну.

– Ну-ну, поживем – увидим, – пожал он плечами.

Маттео поднялся со стула после того, как все расселись, и постучал ножом по бокалу с шампанским, чтобы заставить гостей замолчать. Я бросил на него предупреждающий взгляд, чем только развеселил его. Когда-нибудь я убью этого гада!

– Дамы и господа, старые и новые друзья, мы собрались здесь сегодня, чтобы отпраздновать свадьбу моего брата Луки и его потрясающе красивой жены Арии... – Маттео театрально поклонился ей.

Ария натянуто улыбнулась, а Джианна постаралась убить моего братца своим самым смертоносным взглядом. Можно подумать, это на него как-то подействует.

– Хочу поднять тост за неизведанные земли! Нет ничего приятнее, чем ступать по свежевыпавшему снегу, оставляя первые следы. – Он подмигнул мне, затем Арии и повернулся к гостям. – Уверен, все со мной согласятся! За неизведанные земли!

Мужчины засмеялись и повторили его тост, салютуя мне бокалами.

Улыбаясь, я покачал головой. Маттео – чертова заноза в заднице! Я посмотрел на Арию, и улыбаться расхотелось. Она храбрилась, но щеки у нее пылали от смущения, а в глазах отражалось волнение. Одной рукой она вцепилась в руку Джианны, а другой смяла в кулаке белоснежную ткань подола платья. Мне почему-то захотелось протянуть руку и, разжав ее пальцы, переплести со своими. Эта мысль была абсурдна, и я ни за что бы такого не сделал, тем более в зале, полном врагов и моих солдат.

Я обрадовался, когда отец и Скудери закончили толкать тосты, и официанты, наконец, принесли еду. Не только из-за того, что проголодался, но и потому что устал от пустого трепачения.

На столах появились блюда с закусками.

– Я бы хотела произнести тост как подружка невесты, но отец запретил. Кажется, он боится, что я скажу что-то, что опозорит нашу семью, – сказала Джианна, стараясь, чтобы ее голос прозвучал как можно громче.

Я посмотрел на нее и закатил глаза. Отвернувшись, начал наполнять свою тарелку закусками. Ария одним большим глотком осушила свой бокал и потянулась за другим. Я придержал ее руку.

– Тебе надо поесть. – Ее тарелка была пуста, и она не взяла ни одной закуски на шведском столе, когда пила шампанское. Ария поджала губы, но схватила кусочек хлеба и, откусив самую малость, положила себе на тарелку. Она не притронулась и к основному блюду, что расстроило меня еще больше, особенно когда она выпила еще бокал. Может, Ария думала, что я ничего не замечаю, поглощенный беседой о Братве с отцом и Кавалларо, но я же не слепой.

Когда пришло время нашего первого танца, я поднялся и протянул ей руку. Конечно, как только Ария встала рядом со мной, гости стали требовать еще одного поцелуя. Я прижал ее к себе, поддерживая, когда она оступилась. Взгляд ее уже был затуманен. Похоже, алкоголя на сегодня ей хватит.

Мне пришлось, кипя от злости, вести ее к танцполу, следя чтобы она не споткнулась и не упала.

Когда танец наконец закончился, я облегченно выдохнул, но прежде чем проводить Арию за стол, тихо сказал ей на ухо:

– Как только мы вернемся за стол, ты будешь есть. Я не хочу, чтобы ты упала в голодный обморок во время праздника и, тем более, в нашу брачную ночь.

Если она напьется, я конечно, не стану ее трахать, так что не надо давать ей больше пить. Под моим бдительным контролем Ария съела горячее и выпила пару стаканов воды. Когда подошел отец пригласить Арию на танец, я еле сдержался, чтобы не рывкнуть на него. Но мне пришлось взять себя в руки и натянуто улыбнуться.

По традиции, я должен был танцевать с Ниной, отец – с моей женой. Пока я вел в танце Нину, та была на удивление тихой, но все мое внимание было приковано к отцу с Арией. Я видел, что ей неуютно в его компании, хотя не сказал бы, что до этого в моих объятиях она была слишком расслаблена.

– Ревнуешь?

– Нет, – сухо ответил я.

Маттео прошелся по танцполу мимо остальных гостей, похлопал отца по плечу, чтобы поменяться и в свою очередь потанцевать с Арией. Он улыбнулся мне, прежде чем окружить мою жену в танце. После Нины я танцевал еще с Людевикой и Лилианой. Увидев, что Грейс направляется в мою сторону, я поспешил ретироваться и вернуться за стол. Скорее ад замерзнет, чем я станцую с Грейс. Ее брат поймал ее за руку и, к явному неудовольствию Грейс, силой заставил танцевать с собой.

– Они могли бы стать очень красивой парой, – подошел ко мне Маттео. Я проследил за его взглядом и напрягся.

Данте танцевал с Арией.

– «Золотая пара» – некоторые в Синдикате так их и прозвали. Поговаривают, что Фиоре хотел расторгнуть вашу помолвку, чтобы Ария досталась его сыну.

– Это развязало бы войну. Я бы лично отправился в Чикаго, раздавил Данте горло, забрал Арию и увез к себе домой.

– Звучит намного увлекательней, чем вот это всё.

Оставив его стоять возле стола, я пошел к Данте и моей жене. Они уже долго танцевали. Пора Арии возвращаться ко мне.

Данте первым заметил мое приближение.

– Я думаю, твоему мужу не терпится вернуть тебя обратно в свои объятия, – произнёс он, как обычно отвратительно растягивая слова. С непроницаемым лицом он отошел от нее, а я схватил Арию за руку и потащил к краю танцпола.

– Что он хотел?

– Поздравить меня. – Ария ответила не сразу, замешкавшись на мгновение.

Определенно, они еще о чем-то успели поговорить, но Маттео хлопнул в ладоши, чтобы музыку остановили, а гости замолчали.

– Время бросать подвязку!

Нас тут же обступила толпа мужчин. Я так часто был свидетелем этой традиции, что уже знал, чего от нас ждут. Опустившись на одно колено, я выгнул бровь в ожидании Арии. Ее мать должна была просветить ее по поводу наших традиций. Не знаю, практиковали ли что-то подобное в Синдикате.

Ария приподняла подол платья, демонстрируя белые туфли на высоких каблуках, стройные икры и совершенно прекрасные колени. Блядь! Я даже не знал, что существуют настолько потрясающие колени.

Я обхватил ее икры, чуть не застонав от того, какой теплой и нежной оказалась ее кожа. Черт, ведь это первый раз, когда я касаюсь ее ног. Первый раз, когда вообще мужчина касается этих ног. Я медленно провел ладонями вверх до бедер. Ария замерла. Ее кожа покрылась мурашками. Заглянув в ее глаза, я попытался понять, какие чувства скрываются за ее реакцией, но у нее на лице застыла маска счастливой невесты.

Больше всего на свете сейчас я жаждал остаться с ней наедине. После бедер мне захотелось подняться выше, исследовать остальные части ее тела, но пальцы наткнулись на подвязку на правой ноге. Одной рукой я приподнял ее платье повыше, чтобы обнаружить подвязку, хотя мне совсем не понравилась мысль о том, что все мужики вокруг увидят ее бедра.

Ария придержала подол платья, а я, сцепив руки за спиной, наклонился, почти прижавшись щекой к ее ноге. Ожидалось, что я схвачу подвязку зубами, но до того я не мог отказать себе в удовольствии поцеловать местечко возле нее. От испуга Ария резко вдохнула, и мне опять пришлось сдерживать стон, когда почувствовал носом ее сладкий запах. Я украдкой глянул выше, но скомканная ткань закрыла мне обзор на ее трусики.

Наконец, сомкнув зубы на подвязке, я протащил ее до самого низа. Ария приподняла ногу, и, сдернув с нее эту кружевную вещицу, я встал, выпрямившись в полный рост и размахивая подвязкой, чтобы все увидели. Гости радостно зааплодировали.

– Холостяки! – крикнул я. – Подойдите! Может, кому-нибудь повезет жениться следующим!

Потребовалось несколько минут, чтобы собрать всех вместе, а матери успели вытолкать своих упирающихся подростков вперед.

Ария звонко расхохоталась. Услышав ее первый искренний смех, я ошеломленно на нее посмотрел. Она хохотала над своим младшим братом Фабиано. Тот тоже стоял среди мужчин, ловящих подвязку. Будет ли у нее такой же счастливый вид, когда Ария будет жить со мной в Нью-Йорке?

Стараясь больше не думать об этом, я размахнулся и бросил подвязку.

Конечно, первым бросился за ней мой братец, растолкав по дороге менее целеустремленных парней. Маттео поймал подвязку и заорал:

– Дамы из Синдиката, есть желающие укрепить связи между нашими семьями? – Он поиграл бровями.

Я ухмыльнулся. Он не хуже меня знал, что среди собравшихся здесь такого рода развлечений не найти. Большинство гостей-женщин из нашего мира, а не посторонние, поэтому они под запретом.

Я приобнял Арию, и она вздрогнула от моего прикосновения. Мое приподнятое настроение тут же испарилось.

Стараясь делать вид, что спокоен, я наблюдал за тем, как Маттео пригласил Лилиану на танец. Девочка, похоже, была в восторге от того, что оказалась в центре внимания. Я притянул Арию к себе, потому что следующий танец должен был быть наш. На этот раз она почти не дергалась.

Я посмотрел вниз на ее белокурую головку и на то, как внимательно она следила за моим братом и своей сестрой.

– Если бы мой брат женился на твоей сестре, у тебя была бы семья в Нью-Йорке, – заметил я.

– Я не позволю ему забрать Лили, – пробормотала Ария, удивив меня защитной ноткой в голосе.

– Ему нужна не Лили, – сказал я, взглядом найдя Жианну, которая жалась где-то в углу танцпола. Кажется, Арию мой комментарий удивил. Неужели она не заметила, как смотрит мой брат на ее сестру? Возможно, она пока не умеет распознавать желание в глазах мужчины. Скоро научится.

Когда слышались первые крики гостей, советовавших уложить Арию в постель, мне пришлось сдержаться, чтобы не сорваться с места, и, перекинув Арию через плечо, утащить в нашу комнату.

– Ты женился на ней, теперь ложись с ней в постель! – заорал Маттео, поднял руки вверх и наткнулся на стул.

Я рассмеялся, и, глядя на брата, встал. Ария поднялась вслед за мной.

– Испачкай простыни красным! – крикнул отец с похотливой ухмылкой.

Не обращая на него внимания, я повел Арию в сторону нашей спальни под аплодисменты и крики гостей. Руки чесались съездить кому-нибудь по морде, несмотря на то, что так или иначе я намеревался сделать с ней все, что они предлагали. Я не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя так, будто еще немного и взорвусь от желания. Я очень надеялся, что смогу сдержаться, как обещал себе.

Отец с дядями хлопали меня по плечу и спине, когда мы с Арией остановились перед дверью спальни.

Ария молча стояла рядом со мной, опустив голову, чтобы я не видел ее лица. Я покажу ей, как сильно хочу ее. Я толкнул дверь, Ария скользнула внутрь. Наконец-то моя.

Глава 6

Я захлопнул дверь перед лицом Маттео, а он продолжал выкрикивать предложения о том, как мне трахнуть Арию. Если бы у меня не было занятия поинтересней, я бы вышел и надрал Маттео его чертову задницу.

– Заткнись, Маттео! Найди себе шлюху и трахайся с ней!

Наконец он прикусил свой болтливый язык, а может, уже впал в алкогольную кому. Такому итогу я не удивлюсь, если судить по тому, сколько он выпил. Позади меня Ария нервно вздохнула, и я обернулся к ней, уже изнывая от желания. Мне пришлось ждать целый вечер, фантазируя о том, что под этим ее соблазнительным платьем, не говоря уже о трех годах, которые я провел в ожидании нее. Но сегодня ночью ожиданию пришел конец.

Она стояла передо мной, охуительно прекрасная. Тонкая талия, безупречная кожа, розовые губы. Я не мог не задуматься, будут ли ее соски такого же цвета. Блядь! Как же я ее хотел. Освободившись от пиджака, бросил его на спинку кресла. Этой ночью я рассчитывал трахнуть Арию не один раз. Вряд ли мой член удовлетворится одним раундом.

– Когда отец сказал, что я должен на тебе жениться, он заявил, что ты самая красивая девушка из всего, которую может предложить чикагский Синдикат, даже красивее, чем девушки Нью-Йорка. Я ему не поверил, – сказал я.

Мне не нравилось признавать, если отец оказывался прав, но, черт возьми, на этот раз он попал в точку. Я подошел к Арии и обнял ее за талию. Она неподвижно застыла, избегая моего взгляда. Я наклонился, вдыхая ее сладкий аромат.

– Но он сказал правду. Ты самая красивая женщина из всех, что я когда-либо видел, и сегодня ты моя.

Я поцеловал ее в шею, но Ария продолжала меня игнорировать. Что это за гребаная игра такая? Она должна бы знать, что игры, в которые я обычно играю, куда более жестокие, и я всегда выходил из них победителем.

– Нет! – прошипела она и отшатнулась. В ее широко распахнутых глазах плескался ужас. Что это за хуйня?

– Нет?

Она сердито уставилась на меня, но за ее бравадой промелькнула еще какая-то эмоция, а я был слишком зол, чтобы разбираться.

– Что такое? Никогда раньше не слышал слова «нет»?

– Я часто его слышал. Парень, которому раздавил горло, повторял его снова и снова, пока больше не смог говорить.

Она попятилась от меня.

– Так что, ты и мое горло собираешься раздавить?

Она знала, как задеть меня за живое. Но неужели она считает, что разозлить меня в брачную ночь такая уж хорошая идея? Я поклялся, что ради нее буду держать себя в руках.

– Нет, это бы противоречило цели нашей свадьбы, ты не находишь?

– Не думаю, что отец обрадуется, если ты причинишь мне боль, – надменно выплюнула она.

– Это что, угроза? – спокойно поинтересовался я, чувствуя, как ускорился пульс. Мне пришлось бороться с желанием бросить ее на кровать и показать, что на самом деле я хочу с ней сделать. Может, у нее больше общего с ее дерзкой сестрой Джианной, нежели ей самой казалось. А возможно, она только строила из себя застенчивую невинность.

Но потом она потупила взгляд, и я заметил, что она дрожит, когда прошептала еще раз:

– Нет.

Под кожей все еще бурлила ярость, и я пока не мог успокоиться до конца.

– Но ты отказываешь в том, что принадлежит мне?

– Для начала, я не могу отказать в том, на что у тебя и так нет прав. Мое тело тебе не принадлежит. Оно мое, – решительно сказала она, взглядом метая в меня молнии. Я поверить не мог в ее дерзость!

Я протянул руку к ее плечу, собираясь прижать к себе и заткнуть ее рот поцелуем, пока она не ляпнула еще что-нибудь такое, что доведет меня до ручки. Но Ария резко вздрогнула и закрыла глаза, как будто ожидая удара. Ошеломленный ее реакцией, я опустил руку. Неужели она думает, что я ее ударю? Я всегда был вспыльчив и не отличался особым терпением, а слава о моей жестокости бежала впереди меня. Но я дал себе слово, что никогда не буду издеваться над собственной женой. Я помню, как отец насиловал и избивал мать, доведя ее до самоубийства, и мне не хотелось быть на него похожим, по крайней мере, в этом. Во всех других аспектах жизни я и так был его копией.

– Я могу взять то, что хочу, – пригрозил я, не зная, что теперь делать.

Что это пустая угроза, Арии знать необязательно. Я мог бы воплотить ее в жизнь, но никогда бы не стал этого делать.

Мне не понравилось собственное смятение. Никогда не сомневался в своих решениях, но с Арией все оказалось гораздо сложнее.

Она устремила на меня взгляд своих прекрасных глаз.

– Можешь. И я возненавидела бы тебя за это до конца своих дней.

Насколько мне известно, в большинстве браков в нашем мире ненависти было в избытке, больше, чем всего остального.

– Думаешь, меня это волнует? Это брак не по любви. И ты уже меня ненавидишь. Я вижу это в твоих глазах.

В любом случае, эта дискуссия – пустая трата времени. Есть традиции, и мы с Арией их заложники.

Я кивнул на белоснежные простыни.

– Ты слышала, что сказал мой отец о нашей традиции?

Хотя по большому счету я считал это нелепостью. Не все женщины в первый раз кровили, если мужчина не был груб специально. Так что некоторые специально делали это пожестче, чтобы обеспечить пятно крови, которого все от них ждали. Я совершенно не собирался быть грубым с ней. Я бы не стал делать ей больно, не больше, чем будет необходимо. Но я крупный парень во всех местах. Будет больно, и у нее пойдет кровь.

Ария отодвинулась от меня и подошла к кровати, глядя на нее как на неотвратимое наказание. Может, она рассчитывала, что сможет уговорить меня не конsumировать наш брак, если бы не эта традиция? Плохо же она меня знала.

Я подошел к ней сзади. Она была похожа на богиню. Мне не терпелось вытряхнуть ее из этого платья, чтобы попробовать на вкус каждый дюйм ее кожи. Я положил ладони на ее обнаженные плечи, такие теплые и нежные. Ария не обернулась. Пришлось подавить досаду на то, что она по-прежнему игнорирует мое присутствие. Но я собирался быть терпеливым, пусть даже она будет меня провоцировать. Провел ладонями от ключиц к мягким холмикам груди. Я чувствовал, как становлюсь твердым от ощущения ее идеально гладкой кожи, от ее дразнящего аромата. Блядь, я плавился от желания войти в нее!

Что-то мокрое упало мне на руку. Мне даже смотреть не надо было. Я и так понял, что это слеза. Чертова слеза. Ария плакала. Развернув ее к себе, пальцем приподнял ее лицо за подбородок. По ее щекам покатились слезы. Я знал, что некоторым женщинам легко удается заплакать, когда они сами захотят, но глаза Арии сказали мне все без слов. Она испугалась и отчаялась. В людях я хорошо разбирался – пришлось научиться, чтобы держать своих солдат под контролем. Если я толкну ее на кровать, сорву с нее одежду и возьму силой, Ария не станет сопротивляться. Она будет лежать и терпеть. Она будет плакать, но не скажет мне «нет».

Больше не скажет. Она в полной моей власти. Я должен взять ее, сделать своей. Слезы никогда не трогали меня. Но до этой ночи слезы не принадлежали моей жене – женщине, с которой проведу всю оставшуюся жизнь.

Блядь, я поверить не мог, что меня тронет вид моей испуганной жены! Выругавшись, я отскочил в таком бешенстве, что у меня перед глазами все помутилось, и вмазал кулаком по стене, радуясь ослепительной вспышкой боли в костяшках пальцев. Она меня отрезвила. Через несколько лет я должен стать Доном. Я шантажировал, пытал, убивал, но не мог силой лишить девственности собственную жену? Кто я после этого? Отец сказал бы, что я тряпка. Возможно, решил бы, что я не достоин быть его наследником, если не могу трахнуть собственную жену. Но я знал, что не размяк. Я могу хоть сейчас выйти за эту дверь и без толики раскаяния убить весь чикагский Синдикат. Черт, да я могу с удовольствием пойти и перерезать горло отцу!

Конечно, нам всё равно нужно обставить так, чтобы все поверили, что я трахнул Арию. Был только один способ это сделать. Я повернулся к своей дрожащей жене и вытащил нож. Мало того, что я лишал себя удовольствия побыть в ее девственном лоне сегодня ночью, но еще и собирался пролить кровь за нее.

Эта мысль меня не обрадовала, и не потому, что меня беспокоили раны на теле. Мне доводилось терпеть травмы куда серьезнее, но я не мог отделаться от ощущения, что мой поступок даст Арии козыри в руки. Однако знал, что решение уже принял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.